Изъ воспоминаній о службѣ въ Архангельской губерніи.

I.

1-го декабря 189... года я выѣхалъ изъ Петербурга почтовымъ трактомъ въ Архангельскъ на должность единственнаго [1]) инспектора народныхъ училищъ громадной Архангельской губерніи. Стоялъ легкій морозъ, но снѣга еще не было. Однако часть пути удалось сдѣлать на саняхъ по льду каналовъ съ вольными ямщиками [2]). Послѣ мертвой казенщины почтовыхъ станцій, послѣ безучастныхъ, какъ манекены, станціонныхъ смотрителей, старостъ, ямщиковъ, унылыхъ, разбитыхъ на ноги почтовыхъ лошадей съ ихъ однообразной, какъ осенній дождь, трусцой, были особенно пріятны уютныя, обставленныя по семейному комнатки постоялыхъ дворовъ, ихъ привѣтливые, бойкіе, рѣчистые хозяева, удалые ямщики и рѣзвые кони.

На всемъ пути мелькнулъ только одинъ городокъ Каргополь, показавшійся мнѣ въ сумеркахъ хмурымъ, молчаливымъ старикомъ.

На пятыя сутки, верстъ за триста отъ Архангельска, у опушки большого лѣса я увидѣлъ пестрый столбъ—границу Архангельской губерніи. И какая радость: въ этомъ лѣсу была уже санная дорога, чистенькая и укатанная. Сразу-же поѣхали вдвое скорѣй.

[1]) Нынче 6 инспекторовъ. *Ред.*

[2]) Нынче вологодско-архангельская желѣзная дорога. *Ред.*

Вотъ и Сійскій монастырь. Главы церквей и крыши бѣлыхъ монастырскихъ зданій весело блестятъ на солнцѣ. Мы ѣдемъ озерами мимо самаго монастыря.

— Должно быть много рыбы ловятъ монахи?—спросилъ я своего возницу.

— Много, и себѣ довольно, и на сторону продаютъ. Эхъ звонятъ тутъ хорошо—все бы слушалъ. Странникъ одинъ у нихъ живетъ, онъ и звонитъ. Изъ Москвы, говорятъ, пришелъ. А только и горе-же имъ съ этимъ странникомъ: водку шибко пьетъ, игумена не слушаетъ. Монаха одного побилъ. И ничего съ имъ не смѣютъ, потому—дорогой человѣкъ.

На Сійской станціи пилъ чай купеческаго облика старикъ, ѣхавшій въ своемъ возкѣ. Мы разговорились.

— Не хотите-ли за пять копеекъ поѣсть хорошей ухи?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Конечно, хочу.

Онъ послалъ мальчика купить на пять копеекъ наваги, которую продавалъ съ воза крестьянинъ. Мальчикъ принесъ столько рыбы, что ея хватило-бы и на троихъ. Уха вышла превосходная; рыба нѣжна, сладковатаго вкуса, безъ мелкихъ костей. Потомъ въ Поморьѣ я часто видѣлъ подъ вечеръ женщинъ, везшихъ на саночкахъ только что пойманную навагу. Ловить ее легко: по своей жадности она хватаетъ крючокъ безъ всякой наживки.

6-го декабря около двухъ часовъ ночи мы подъѣхали къ единственной въ Архангельскѣ гостиницѣ. Сейчасъ-же къ намъ подошелъ, шатаясь, городовой. Коснѣющимъ языкомъ онъ что-то говорилъ, но мы его не поняли.

Просыпаюсь на другой день въ половинѣ десятаго, а на дворѣ еще сумерки. Оказалось, полный разсвѣтъ наступаетъ въ это время года около одиннадцати, а въ третьемъ—опять темнѣетъ.

Часу во второмъ я отправился къ директору народныхъ училищъ. Послѣ доклада горничная провела меня въ кабинетъ. Директоръ, что-то писавшій, всталъ и, увидя меня, сказалъ недовольнымъ тономъ.

— И вы рѣшились быть единственнымъ инспекторомъ въ этой губерніи! Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать семь.

— Неужели 37? Вѣдь вы совсѣмъ сѣдой. Семейный?

— Да.

— Удивительные люди! Писалъ имъ русскимъ языкомъ, что мнѣ нуженъ помощникъ молодой, крѣпкаго здоровья, одинокій, чтобы отправился на два, на три мѣсяца и о домѣ забылъ. Вы, батенька, не обижайтесь. Взгляните на карту (на стѣнѣ висѣла громадная карта). Ну, хватитъ-ли у васъ силъ доѣхать до Колы, завернувъ въ Карелію и на Терскій берегъ, да подняться вверхъ по Онегѣ (онъ водилъ пальцемъ по картѣ)? Вѣдь это больше четырехъ тысячъ верстъ! Три мѣсяца ѣзды! Я-бы совѣтовалъ вамъ на первый разъ отказаться отъ Колы, написать, что безъ привычки это вамъ не по силамъ.

— Попробую, можетъ быть, и вынесу.

— Ну, какъ знаете. До Рождества ужъ некуда ѣхать, а 7-го января нужно отправиться въ путь. Да, чуть не забылъ: вамъ надо представиться губернатору и архіерею.

На другой день я представился этимъ особамъ, а вечеромъ пошелъ къ своему предмѣстнику С. В. Пругавину (нынѣ покойному), первому

инспектору въ этой губерніи, работавшему по народному просвѣщенію 45 лѣтъ и создавшему здѣсь школу современнаго типа.

Меня встрѣтилъ высокій, худощавый старикъ, лѣтъ семидесяти, съ умнымъ, добродушнымъ, слегка насмѣшливымъ лицомъ. Во время первой поѣздки по губерніи онъ простудилъ грудь и остался хворымъ на всю жизнь. Слушая его интересные разсказы, я не замѣтилъ, какъ прошло время.

Скажу нѣсколько словъ объ Архангельскѣ. Какъ Петербургъ, онъ выстроился на болотѣ, въ сорока верстахъ отъ моря, и главною своею частью растянулся верстъ на пять вдоль праваго берега Двины, прижатый къ ней непроходимой тундрой. Другая часть города, Соломбала, бывшій военный портъ, расположена на островѣ. Обѣ части соединены деревяннымъ мостомъ, который на зиму снимается. Набережная довольно красива: здѣсь монастырь и всѣ городскія церкви; большіе, преимущественно, деревянные дома, торговые ряды, пароходныя пристани, длинный бульваръ изъ старыхъ березъ, откуда обширный видъ на острова съ деревнями, церквами и вѣтряными мельницами. Во время навигаціи громадная рѣка оживляется судами поморовъ, рѣчными и морскими пароходами, плотами и множествомъ лодокъ.

Сѣверная часть города называется Нѣмецкой слободой. Здѣсь уже нѣсколько столѣтій живутъ потомки первыхъ колонистовъ-нѣмцевъ, голландцевъ и англичанъ. Они заняли обширные участки, на которыхъ и построились со всѣми удобствами (всѣ дома у нихъ одноэтажные), развели даже обширные сады, устроили цвѣтники и оранжереи.

Русскіе, въ южной части, живутъ скученно, грязновато, дома почти безъ зелени.

Городъ пробуетъ расширяться и въ сторону тундры [3]), но осушать это мѣсто очень трудно, и новоселы много терпятъ отъ весеннихъ разливовъ и невылазной грязи.

На краю болота построены бойни [4]), а возлѣ нихъ—нѣсколько самоѣдскихъ чумовъ [5]). Трудно гдѣ-нибудь встрѣтить больше всякой нечистоты, чѣмъ въ этихъ чумахъ. Не приходилось мнѣ видѣть и такихъ жалкихъ людей, какъ нищіе самоѣды: изъѣденные сифилисомъ и накожными болѣзнями, слѣпые или полуслѣпые, грязные и оборванные, они внушали страхъ и отвращеніе. Городскія собаки неизмѣнно встрѣчали ихъ лаемъ, хотя они появлялись на улицахъ ежедневно. Однако, чудодѣйственная огненная вода даже этихъ людей дѣлала счастливыми. Держась другъ за друга, чтобы не упасть, каждый вечеръ они возвращались въ свои конуры съ пѣснями—однообразнымъ, тихимъ бормотаньемъ.

Торговые ряды и рынокъ загрязнены всякими отбросами [6]). Дно рѣки также покрыто вѣковымъ слоемъ нечистотъ и отбросовъ съ поморскихъ судовъ [7]). Воду портятъ также стоки изъ бань [8]) и съ монастырскаго кладбища, гдѣ уже на полуаршинной глубинѣ стоитъ вода. Та-

[3]) Онъ теперь именно въ этомъ направленіи и расширяется. *Ред.*

[4]) Теперь прекрасныя городскія бойни за заставою. *Ред.*

[5]) Нынче почти не бываетъ; останавливаются за рѣкою и на мхахъ. *Ред.*

[6]) Теперь совсѣмъ не то; есть даже особые ящики для мусора, которые убираются, если наполнены. *Ред.*

[7]) Это возможно. *Ред.*

[8]) Есть отстойные колодцы у бань. *Ред.*

кую-то воду пьютъ небрезгливые русскіе люди [9]). Нѣмцы-же, памятуя, что для нихъ смертельно то, что русскимъ здорово, устроили себѣ на рукавѣ рѣки, гдѣ не останавливаются суда, длинную пристань, чуть не до середины рукава, [10]) откуда и берутъ воду [11]).

У нихъ есть и своя школа съ шестилѣтнимъ курсомъ, которая содержится на церковныя суммы и пожертвованія прихожанъ. Начальникъ школы—пасторъ, величественный, какъ Юпитеръ, держитъ въ безпрекословномъ повиновеніи не только учащихся и учащихъ, но и весь приходъ. Учителя и учительницы, какъ и пасторы, выписываются изъ Германіи. Этою школой и заканчиваютъ свое образованіе обитатели Нѣмецкой слободы, богатые и бѣдные. Пасторъ, сорокъ лѣтъ прожившій въ Архангельскѣ и не умѣющій говорить по-русски, всѣми мѣрами культивируетъ въ своихъ прихожанахъ германскій духъ и обособленность и труды его не пропадаютъ даромъ. Нѣмцы не вступаютъ съ русскими ни въ какія сношенія, кромѣ дѣловыхъ; женъ берутъ изъ своей небольшой среды и потому всѣ давнымъ давно переродились. Слобода выписываетъ только берлинскія газеты. Въ нѣкоторыхъ домахъ висятъ портреты Вильгельма I и Бисмарка.

Изъ всего русскаго эти пришельцы любятъ, кажется, только русскій лѣсъ, который они распиливаютъ на своихъ заводахъ и вывозятъ за-границу. Мнѣ говорили, что хорошій строевой лѣсъ остался только на Печорѣ, но уже при мнѣ въ Устьцильмѣ производились заготовки лѣса, который отправляли за-границу сначала въ видѣ связанныхъ цѣпями плотовъ, а потомъ, когда плоты разбило океанскими волнами, на пароходахъ.

II.

Я купилъ у своего предмѣстника удобную повозку и мѣховое одѣяло, а также и пріобрѣлъ чрезъ него на пинежской ярмаркѣ малицу, оленьи сапоги и шапку, взялъ съ собой съѣстныхъ припасовъ, сколько было можно, и 7-го января выѣхалъ въ Поморье.

Ближайшая школа была въ посадѣ Неноксѣ, отстоящемъ отъ Архангельска на 70 верстъ.

Хотя этотъ посадъ—единственное мѣсто въ губерніи, гдѣ добывается соль, но выглядитъ онъ бѣдно: ветхіе, почернѣвшіе отъ времени дома, плохо одѣтые люди съ мрачными апатичными лицами.

Послѣ уроковъ мы съ учителемъ осматривали общественную соляную варницу. Зданіе еле держится отъ ветхости, колодцевъ мало, срубы ихъ полугнилые, соль темная и горьковатая отъ примѣсей. Она непригодна для посола рыбы и употребляется только въ небольшомъ районѣ, потребности-же губерніи удовлетворяются солью вологодской, а для рыбы идетъ норвежская.

— Чѣмъ-же они живутъ? Продажею соли не прокормиться.

— Есть у нихъ земля, и луга, и море близко, но хозяйство идетъ такъ-же плохо, какъ и солевареніе.

— Какая-же причина?

— Право, не могу сказать. Пьянство очень велико—въ иныя недѣли по пятисотъ ведеръ водки продается,—невѣжество..... они и на

[9]) Теперь есть водопроводъ. *Ред.*

[10]) Такой никто не знаетъ. *Ред.*

[11]) За послѣдніе годы Архангельскъ очень измѣнился: появилось электрическое освѣщеніе, городскія сады приведены въ порядокъ, новыя пристани облицованы гранитомъ набереж. асфальтовая и проч. *Ред.*

школу платятъ только по принужденію начальства. Непріятно здѣсь жить.

Такъ-же бѣдны (70 верстъ отъ Неноксы) посады Уна и Луда (близъ Уны едва не погибъ въ морѣ Петръ Великій). Жалуются на уменьшеніе морскихъ промысловъ, но въ этомъ-ли только дѣло? На лицахъ какое-то безнадежное уныніе, которымъ невольно заражаешься.

Подъѣзжая къ Онегѣ, я увидѣлъ нѣчто оригинальное: шесть или восемь лошадей, запряженныхъ попарно, тащили угломъ впередъ громадный треугольникъ изъ бревенъ, обитый снаружи досками, для расчистки дороги послѣ метели. Когда это сооруженіе проѣхало, по сторонамъ дороги выросли снѣжныя стѣны. Ѣхать стало легче, но не надолго: буйный вѣтеръ скоро разметалъ стѣны и засыпалъ дорогу. Ямщикъ разсказалъ мнѣ, что такая дорога всю зиму бываетъ мягка и весной скорѣе портится. Между тѣмъ, возка треугольника, практикуемая на безлѣсныхъ участкахъ почтовыхъ трактовъ въ пяти уѣздахъ на счетъ сельскихъ обществъ, обходится имъ въ десятки тысячъ.

Кстати сказать, съ неменьшимъ вниманіемъ къ интересамъ крестьянъ распредѣлены участки трактовъ между сельскими обществами, которыя обязаны держать тракты въ исправности: участокъ рѣдко находится въ районѣ волости, обязанной его исправлять, а большею частью отстоитъ отъ волости на десятки верстъ, иногда даже въ другомъ уѣздѣ. Весной старшина ѣдетъ туда, нанимаетъ мѣстныхъ рабочихъ... Не трудно понять, во что обходится обществамъ ремонтъ такихъ участковъ.

Я говорилъ объ этомъ съ архангельскимъ начальствомъ, вѣдающимъ дорожную повинность. Начальникъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и сказалъ только:--да, дѣйствительно, неловко вышло.

Онегу считаютъ самымъ красивымъ городомъ въ Архангельской губерніи. Дѣйствительно, городокъ живописно раскинулся по правому, высокому берегу р. Онеги на сухой, волнистой мѣстности, окруженой съ трехъ сторонъ сосновымъ боромъ. На лѣвомъ берегу, противъ города, устроенъ лѣсопильный заводъ какой-то нѣмецкой компаніи. Рѣка здѣсь широка, но вода не годится для питья, такъ какъ отъ приливовъ смѣшана съ морскою. Жители берутъ воду изъ ключа, который находится какъ разъ въ срединѣ города подъ горой.

Онежскіе мѣщане, какъ и неноксніе, находятся въ хорошихъ условіяхъ: у нихъ есть земля, подъ бокомъ лѣсопильный заводъ, весной и осенью по р. Онегѣ идетъ семга, море близко... А живутъ бѣдно.

— До работы мы не гораздъ охочи,—говорилъ мнѣ сынъ квартирной хозяйки, молодой парень,—а попить—погулять любимъ. Онъ, дѣйствительно, ничего не дѣлалъ и каждый день былъ пьянъ.

— Вѣдь вы разстроите здоровье, отвыкнете отъ труда, обѣднѣете.

— Здоровья на нашъ вѣкъ хватитъ, а одна голова не бѣдна.

Понадобилось мнѣ пришить ремень къ чемодану. Раза три посылалъ я за сапожникомъ; наконецъ, онъ явился утромъ на другой день.

— Здравствуйте, господинъ.

— Здравствуйте.—

— Вамъ ремешокъ пришить? Это можно.

Онъ сѣлъ на стулъ у дверей и задумался. Я сталъ его разсматривать. Человѣкъ молодой, лицо опухшее, грязенъ, растрепанъ.

— Дозвольте папиросочку.

Далъ.

— Знаете, господинъ, очень голова болитъ со вчерашняго. Не дадите-ли пятиалтынничекъ поправиться?

Черезъ полчаса онъ явился повеселѣвшій и опять сѣлъ.

— Ну, вотъ теперь, будто, полегчало. Дозвольте папиросочку. А сколько-же вы за работу дадите?

— Вѣдь я далъ вамъ 15 коп. Развѣ мало?

Помилуйте, изъ-за такихъ пустяковъ не стоитъ времени терять. Копеечекъ сорокъ, меньше никакъ нельзя.

— Вотъ что: уходите, пожалуйста, сейчасъ-же.

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ, медленно поднялся и, уходя, сказалъ:

— Напрасно сердитесь: вѣдь я не изъ жадности, а выпить хочется, пятиалтыннымъ только себя раздразнилъ.

Пора было ѣхать дальше, а лошадей на станціи не даютъ—всѣ, говорятъ, въ разгонѣ. На этой станціи никогда не бываетъ свободныхъ лошадей. Хозяинъ также постоянно въ отлучкѣ. Пришлось искать частнаго ямщика. Посылаю къ тому, къ другому—никто не хочетъ. Наконецъ, одинъ таки нашелся, но взялъ за 22 версты пять рублей, т. е. вчетверо больше земской таксы.

Въ 22 верстахъ отъ Онеги большое село Ворзогоры, разбросанное по высокимъ песчанымъ холмамъ. Жители снабжаютъ все Поморье картофелемъ, который они развозятъ на карбасахъ по селамъ Лѣтняго, Карельскаго и даже Терскаго берега. Какая нужна привычка къ морю, смѣлость и выносливость, чтобы осенью пускаться на тяжело нагруженныхъ лодкахъ за 300—400 верстъ. Однако у этихъ отважныхъ торговцевъ нѣтъ школы: вѣрно, пожалѣли 30—40 рублей на квартиру для нея.

Въ с. Малошуйкѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ на Лѣтнемъ берегу, свирѣпствовалъ тифъ. Эта болѣзнь, а также оспа часто появляются въ селахъ и деревняхъ Архангельской губ. Бороться съ эпидеміями некому: на всю губернію пять—шесть врачей [12]) да около десяти фельдшеровъ. Въ семьѣ хозяина станціи также было двое тифозныхъ. Никакой осторожности, конечно, не соблюдается, спасаетъ только невоспріимчивость.

Мнѣ прислуживалъ братъ хозяина, получившій на мурманскомъ промыслѣ сильный ревматизмъ. Худой, какъ скелетъ, съ желтымъ, мертвеннымъ лицомъ, всегда въ тулупѣ и валенкахъ, онъ еле двигался и отъ боли почти не могъ спать.

— Много насъ такихъ въ Поморьѣ,—говорилъ онъ еле слышнымъ, сиплымъ голосомъ:—до старости мало кто доживаетъ: которые отъ простуды, которые отъ сердца, либо отъ огневицы (горячки) кончаются. Вотъ старухъ по селамъ сколько хочешь. Никакого спокою отъ ихнихъ языковъ нѣту.—

Въ с. Унежмѣ кончается лѣтній трактъ [13]). Зимой дорога идетъ отсюда болотами и морскими заливами, а лѣтомъ возятъ въ карбасахъ вдоль берега. И гребцы, и рулевой—женщины (всѣ способные къ работѣ мужчины въ это время на Мурманѣ). Въ осеннюю и весеннюю распутицу всякое сообщеніе прекращается на мѣсяцъ и дольше.

Въ с. Нюхчѣ, Кемскаго уѣзда, школьный домъ, построенный крестьянскимъ обществомъ, стоялъ въ полѣ для безопасности отъ пожара.

[12]) Теперь гораздо больше. *Ред.*

[13]) Нынче проводится лѣтній сухопутный трактъ отъ Онеги до Кеми. *Ред.*

Войдя въ классъ, я увидѣлъ необыкновенную картину. Передъ ученическими столами гимнастическіе снаряды: лѣстница, шесты, параллельные брусья. За снарядами, вдоль стѣны, стоятъ на колѣняхъ около тридцати дѣтей. Учитель, отставной офицеръ, сидитъ въ глубинѣ класса съ ученикомъ, слѣдя за его чтеніемъ, остальные ученики, повидимому, ничѣмъ не заняты. Въ классѣ непрерывный гулъ отъ разговоровъ и смѣха. Злополучный учитель, трудившійся изо всѣхъ силъ, видѣлъ, что дѣло нисколько не подвигается, и рѣшилъ весной уйти.

Интересно, что во время холеры, развезенной изъ Архангельска на судахъ и пароходахъ по всему Поморью, нюхотское общество рѣшило до начала ученія обратить училищный домъ въ холерный баракъ. Здѣсь больные мучились и умирали безъ помощи, такъ какъ никто не соглашался за ними ухаживать, боясь заразиться. Съ наступленіемъ холодовъ болѣзнь прекратилась. Никакой дезинфекціи въ школѣ не было сдѣлано, однако, Божьей милостью и ученики, и учительница уцѣлѣли.

Вечеромъ на станцію пріѣхалъ морской офицеръ, служащій въ дирекціи маяковъ и лоціи Бѣлаго моря.

За чаемъ я, между прочимъ, спросилъ его, что такое лоція.

— Опредѣленіе глубинъ, теченій, мелей, камней... Мы плаваемъ іюнь, іюль и августъ. Цѣлыми днями слушаешь монотонный голосъ матроса: тринадцать, пятнадцать, одиннадцать... Это глубину измѣряютъ. Теченій этихъ пропасть: и туда, и сюда, въ іюлѣ такія, а въ августѣ другія... Ѣздишь, ѣздишь—до того опротивѣетъ, тощища такая одолѣетъ, что пристанешь къ селу и кутнешь, какъ слѣдуетъ.

— И что-же, потомъ легче?

— Легче.

— Давно эта лоція началась?

— Не знаю навѣрно, кажется, лѣтъ тридцать тому назадъ.

— Должно быть, скоро уже и кончится описаніе?

Онъ безнадежно махнулъ рукой и ничего не отвѣтилъ.

Зимній мясоѣдъ—время свадебъ. Въ с. Колежмѣ, куда я переѣхалъ изъ Нюхчи, игралось въ одинъ день пять свадебъ и готовилось еще нѣсколько, такъ какъ нарядныя дѣвушки пѣли подъ окнами невѣстъ какія-то грустныя старинныя пѣсни. Народъ толпился возлѣ домовъ, гдѣ пировали свадьбы, и переходилъ отъ дома къ дому, чтобы узнать, гдѣ лучше угощаютъ.

Возвращаясь изъ школы, я встрѣтилъ толпу нарядныхъ женщинъ, которыя шли стѣной, взявшись подъ руки, прямо на меня. Мы едва не столкнулись. Тутъ только я разглядѣлъ, что лица ихъ мертвенно-блѣдны, мутные глаза остановились—до того онѣ были пьяны. Стоявшій у воротъ пожилой крестьянинъ, по платью не здѣшній, покачалъ головой и сказалъ:

— У насъ за такія дѣла шкуру-бы съ нихъ содрали.—

— А ты откуда?

— Съ Онеги,—отвѣтилъ онъ не-хотя.

Здѣсь на свадьбы ходятъ только мужчины и молодыя замужнія женщины. Обычай требуетъ, чтобы гостья непремѣнно выпила стаканъ (чайный) водки до-дна, если желаетъ молодымъ полнаго счастья.

Изъ Колежмы въ Сумскій посадъ меня повезъ молодой парень, веселый, разговорчивый. Спѣвши двѣ—три пѣсни, онъ не утерпѣлъ и сказалъ.

— Знаешь, въ воскресенье я женюсь. Вотъ буду наслаждаться!

— Вѣнчаться будешь или такъ, безъ вѣнчанья?

— Зачѣмъ такъ? Все какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ.

— Ты какой вѣры?

— Какой вѣры? Никакой вѣры я не знаю. Теперь надо веселиться, а вѣра на старость останется.

На мой вопросъ, какъ у нихъ веселятся, онъ разсказалъ, что съ Покрова до Великаго поста каждый день бываютъ вечеринки въ наемныхъ избахъ. Дѣвушки прядутъ ленъ, поютъ пѣсни, бесѣдуютъ съ парнями, но танцуютъ рѣдко, потому что комната бываетъ биткомъ набита. Влюбленныя пары сидятъ цѣлый вечеръ, накрывшись пальто или шубой. Надъ дѣвушкой, которую никто не покрываетъ, смѣются. Молодежь расходится только подъ-утро.

Ближе къ Кеми, какъ я потомъ узналъ, суровый расколъ установилъ другіе обычаи. Тамъ на вечеринкахъ дѣвушки не только не накрываются съ парнями, но считаютъ зазорнымъ и разговаривать съ ними, даже во время танцевъ. Богатыя сидятъ на вечеринкахъ, каждая за особымъ столикомъ, на которомъ горятъ двѣ свѣчи. Сидятъ молча, опустивъ глаза. Пригласитъ парень на танецъ, она протанцуетъ молча, съ опущенными глазами, и опять сидитъ. При катаньѣ съ горъ въ Онежскомъ Поморьѣ дѣвушки сидятъ на колѣняхъ у парней,—въ Кемскомъ—парни у дѣвушекъ, что, вѣроятно, считается болѣе приличнымъ.

Вотъ и многолюдный Сумскій посадъ. Въ немъ есть даже приходское училище и фельдшерскій пунктъ.

Хозяйка отводной квартиры (въ городахъ и посадахъ домохозяева по-очереди обязаны давать на годъ безплатное помѣщеніе для пріѣзжихъ чиновниковъ) [14]), шустрая, видимо, плутоватая баба, въ первый-же день заставила меня купить у нея полотенца и кружева, совсѣмъ мнѣ ненужныя. Сумляне сдѣлались ловкими торгашами, благодаря тысячамъ богомольцевъ, каждое лѣто направляющимся черезъ этотъ посадъ въ Соловки. Не даромъ у нихъ сложилась поговорка: Сума прибавитъ ума.

Хоромы судохозяевъ рѣзко выдѣляются среди плохенькихъ домиковъ промышленниковъ—рабочихъ. Послѣдніе забираются у хозяевъ впередъ деньгами и припасами подъ мурманскую страду. Этой кабалѣ не видно конца, потому что всю зиму, около семи мѣсяцевъ, рабочій, не знающій никакого ремесла, сидитъ безъ дѣла, а между тѣмъ все надо ему купить, начиная съ дорогого хлѣба.

Хозяйка часто уходила изъ дома и подолгу не возвращалась, что было очень неудобно. Наконецъ, я спросилъ ее, куда это она ходитъ.

— Племянница у меня, 16 лѣтъ, помираетъ отъ горячки, вотъ и бѣгаю ее навѣщать.

— Лѣчитъ ее кто нибудь?

Кому-жъ лѣчить? Докторъ за сто верстъ, въ Кеми, а фершала новаго ужъ полгода не присылаютъ. У насъ тутъ лѣвка въ самый Спасъ засалила себѣ въ щеку крюкъ (рыболовный крючекъ), да такъ и ходитъ, доктора дожидаетъ.

Сорока—центръ раскола. Это отразилось и на школѣ, въ которой только 20 учениковъ: все мальчики. Здѣсь много начетчиковъ, разъѣзжающихъ по селамъ для бесѣдъ съ ревнителями древняго благочестія. Въ особыхъ домикахъ обитаютъ пожилыя дѣвицы—отшельницы, посвя-

[14]) Нанимаются на счетъ городскихъ суммъ. *Ред.*

тившія себя непрестанной молитвѣ за грѣшный міръ, который въ благодарность за это даетъ имъ пропитаніе. Нѣкоторыя изъ нихъ занимаются обученіемъ дѣтей ц.-славянской грамотѣ. Насмѣшники разсказываютъ про этихъ отшельницъ, что, стоя на молитвѣ, онѣ въ то-же время зорко наблюдаютъ за улицей.

— Вонъ Марѳа опять къ своему кобелю побѣжала,—говоритъ, стоящая на молитвѣ, отшельница:—Господи помилуй! Согрѣшила я окаянная изъ-за этой стервы.—

Передъ самымъ моимъ пріѣздомъ быстрая порожистая рѣчка Сорока неожиданно подмыла старовѣрческую часть кладбища (другая часть православная, гдѣ хоронятъ пришлыхъ рабочихъ здѣшняго лѣсопильнаго завода) и много гробовъ унесла въ море. Старовѣры объяснили этотъ случай такъ, что, молъ, Богъ не захотѣлъ, чтобы истинновѣрующіе лежали рядомъ съ погаными мірянами.

Сорочане такіе-же шустрые, какъ и сумляне, только крикливѣе послѣднихъ. Волостной сходъ бываетъ у нихъ на мосту и нерѣдко заканчивается дракою, какъ нѣкогда у ихъ предковъ новгородцевъ. Обычной крестьянской приниженности въ нихъ нѣтъ и слѣда. Однажды, прогуливаясь, я отошелъ далеко отъ Сорокъ. На обратномъ пути догоняетъ меня крестьянинъ на лошади и, поровнявшись, останавливается.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Не хочешь-ли подвезу?

— Спасибо, я нарочно отправился поразмять ноги.

— Я тебя гдѣ-то видѣлъ.

— Можетъ быть, въ Сумѣ? Я инспекторъ школъ и ѣзжу во всей губерніи.

— Ну, это все равно... Онъ махнулъ рукой и усмѣхнулся.—А я—Николай Степановъ, сороцкій крестьянинъ.—Онъ протянулъ мнѣ руку, я подалъ свою.

— Такъ не хочешь ѣхать?

— Нѣтъ, спасибо.

— Ну, какъ знаешь. Прощай.

Осенью въ Сороцкую губу приходитъ сельдь, По словамъ учителя, въ иной годъ сельдь идетъ такой густой массой, что весло въ водѣ стоитъ. Для ловли рыбы губа подѣлена на участки, но въ горячкѣ лова, случается, заѣзжаютъ въ чужія владѣнія. Возникаютъ споры и драки. Вся губа покрывается лодками. Крики, брань, говоръ, пѣсни—все сливается въ одинъ чудовищный гулъ.

Въ это время сюда наѣзжаютъ скупщики. Иногда всего улова не купятъ, соль вся выйдетъ, и груды сельдей сгниваютъ на берегу. Есть тутъ коптильни, но нѣтъ умѣнья: я купилъ фунтъ копченой селедки и бросилъ: черна, суха и безвкусна.

Поморскія села велики, но рѣдки: верстахъ въ 20—25 одно отъ другого, при устьяхъ небольшихъ, быстрыхъ рѣчекъ. Только возлѣ этихъ рѣчекъ и растетъ порядочная трава, на морскомъ-же берегу она жестка и малопригодна для корма. Поэтому у поморовъ мало скота. Постройки въ селахъ скучены и расположены безъ всякаго плана, какъ кому взумалось. Въ послѣднее время начальство спохватилось и составило какія-то правила для построекъ, но эти правила едва-ли не остались только на бумагѣ. Дома преимущественно двухъэтажные; у достаточ-

ныхъ крашеные полы, мягкая мебель, зеркала. Мужчины одѣваются по —городскому, женщины—въ сарафаны, душегрѣйки, носятъ кокошники, иногда украшенные жемчугомъ. Народъ бойкій, живой, вольница. Какъ и повсюду на свѣтѣ, бѣдныхъ много, богатыхъ—единицы. Судовладѣльцы продаютъ хлѣбъ въ Норвегію, а оттуда привозятъ рыбу, или нанимаютъ рабочихъ для ловли рыбы на Мурманѣ. Зимой рабочіе забираются у хозяевъ хлѣбомъ и деньгами подъ будущіе промыслы и такимъ образомъ изъ долга не выходятъ. Меня удивило, что поморки Лѣтняго берега совсѣмъ непохожи на крестьянокъ: свѣтлыя блондинки, высокія, стройныя, легкія, съ тонкими, миловидными чертами лица, онѣ кажутся переодѣтыми аристократками. Дѣвушки въ голубыхъ душегрѣйкахъ и кокошникахъ производятъ чарующее впечатлѣніе.

М. Ломбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о службѣ въ Архангельской губерніи.

(Продолженіе, см. № 12 „Извѣстій“ 1911 г.).

III.

Г. Кемь меньше Онеги. Со всѣхъ сторонъ его окружаютъ непроходимыя болота, такъ что обыватели во всѣ времена года, кромѣ зимы, находятся, можно сказать, въ безвыходномъ положеніи. Посреди города течетъ красивая, быстрая, порожистая рѣка Кемь. Вода въ ней необыкновенно чиста, мягка и вкусна.

На мосту, соединяющемъ обѣ части города, неизмѣнно стоитъ съ оружіемъ таможенный солдатъ. Для чего онъ тутъ находится, я не могъ понять, такъ какъ зимой изъ за границы товаровъ не привозятъ, а въ теченіе навигаціи изъ города сухимъ путемъ не выберешься.

На лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки уже много лѣтъ строится каменный соборъ. Постройкѣ, говорятъ, не было-бы и конца, если-бы не заставили взяться за нее соловецкихъ монаховъ. Старый соборъ деревянный, маленькій, на краю города, совсѣмъ не заслуживаетъ этого названія. Однако, его иконы, книги и другіе предметы имѣютъ большую археологическую цѣнность. Въ Поморьѣ, гдѣ населеніе придерживается раскола, православные храмы повсюду небольшіе, деревянные, ветхіе и бѣдные.

Странную картину наблюдаешь здѣсь вечерами на улицахъ. Тишина, прохожихъ мало, но возлѣ нѣкоторыхъ домовъ стоятъ прижавшись къ темнымъ воротамъ или калиткѣ, либо прячутся за углами мужскія фигуры. Иногда слышится шепотъ. Точно заговорщики. Цѣль ихъ—подслушивать разговоры прохожихъ, не будучи замѣченными. За такую повадку и прозвали кемлянъ заугольниками. И пьютъ они хмельное втихомолку, дома, вдали отъ людскихъ глазъ. Интересно, что всѣ здѣшніе богачи-поморы бездѣтны.

До чего облѣниваются эти труженики моря зимой, показываетъ хотя-бы такой, самъ по себѣ мелкій, случай. Въ Кемь пріѣхалъ изъ Архангельска чиновникъ исправлять должность заболѣвшаго казначея.

Дорогой онъ простудился и рѣшилъ полѣчиться баней. Призвалъ хозяина квартиры.

— Нѣтъ-ли у васъ бани?

— Какъ-же, имѣется.

— Истопите, пожалуйста. Хочу полѣчиться.

— Съ удовольствіемъ, только для васъ будетъ не сподручна наша баня.

— Отчего?

— Потому, баня у насъ черная, и дверь не затворяется: широковату сдѣлали. Все собираюсь исправить, да руки не доходятъ.

— Какъ же вы сами-то моетесь? Вѣдь, холодъ идетъ.

— На полкѣ попариться можно, какъ поддашь хорошенько, а послѣ пара холодокъ очень пріятенъ.

— Для меня это опасно. Не будете-ли добры исправить дверь.

— Съ удовольствіемъ, къ вечеру исправимъ и протопимъ.

Это „къ вечеру“ продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Дверь такъ и осталась не исправленной. При отъѣздѣ чиновникъ шутя попенялъ хозяину за баню.

— Ужъ извините, господинъ, хотѣлъ вамъ услужить, да разъ времени не было.

Всѣ, съ кѣмъ я видѣлся, жалуются, что здѣсь трудно жить: квартиры дороги и холодны, прислугу очень трудно найти (послѣднюю жалобу я слышалъ во всемъ Поморьѣ, а также на Печорѣ: даже самыя бѣдныя не хотятъ идти въ прислуги), ремесленниковъ совсѣмъ нѣтъ, все нужно заказывать въ Архангельскѣ, тамъ же приходится дѣлать годовые запасы чаю, сахару, муки и проч., потому что мѣстные торговцы установили безбожныя цѣны, да многаго у нихъ и не найдешь. Недаромъ Кемь—привилегированная мѣстность, т. е. такая, гдѣ чиновники пользуются особыми правами по службѣ.

Во время моего пребыванія въ Кеми злобой дня въ обществѣ былъ случай, характерный для нашей духовной бюрократіи.

Года три назадъ здѣшній соборный протоіерей случайно нашелъ въ церковномъ архивѣ документъ, изъ котораго было видно, что островъ, арендуемый у города за ничтожную плату лѣсопильнымъ заводомъ (нѣмецкая компанія), принадлежитъ церкви и долженъ находиться въ пользованіи причта. Документъ былъ предъявленъ городскому управленію, которое и передало островъ церкви. Тогда протоіерей потребовалъ отъ завода, получающаго до 30 тысячъ чистой прибыли, пять тысячъ руб. арендной платы вмѣсто 400 р., которыми довольствовалось городское управленіе. Компанія обратилась къ архіерею съ просьбой о защитѣ отъ такого грабежа, обѣщая владыкѣ, что если онъ велитъ понизить аренду до двухъ тысячъ, то заводъ откроетъ и будетъ содержать церковно-приходскую школу въ Архангельскѣ. Вскорѣ протоіерей получилъ изъ консисторіи предложеніе не требовать больше двухъ тысячъ аренды, такъ какъ, во-первыхъ, заводъ не въ состояніи уплачивать пять тысячъ и долженъ будетъ прекратить дѣло, прокармливающее бѣдное карельское населеніе, во-вторыхъ, такой доходъ является чрезмѣрнымъ для причта. Протоіерей отправился въ Архангельскъ, убѣждалъ, просилъ, кланялся... Позвольте брать три тысячи. Однако, черезъ полгода архіерей потребовалъ, чтобы изъ трехъ тысячъ полторы было отдѣлено на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, пятьсотъ рублей на церковь, остальная тысяча—причту. Тогда протоіе-

рей подалъ жалобу въ синодъ и, самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Онъ справедливо утверждалъ, что никакой законъ не позволяетъ архіерею или консисторіи распоряжаться собственностью причта. Жалобу нашли справедливой, но когда онъ вернулся, то узналъ, что его хотятъ перевести въ другой городъ.

Изъ Кеми мой путь лежалъ въ Карелію. Лѣтнихъ дорогъ тамъ нѣтъ, а зимнія такъ узки, что пришлось купить особыя сани, а повозку оставить въ Кеми.

На первой-же станціи въ с. Подужемьѣ, я былъ пораженъ чистотою комнаты и всего, что въ ней было. Зашелъ въ помѣщеніе хозяевъ, и тамъ опрятность. Это—вліяніе культурной сосѣдки Финляндіи, куда многіе карелы ѣздятъ для разносной торговли. Очень удивило меня и то, что я ни разу не видѣлъ не только пьянаго, но и хмельного карела.

— У васъ совсѣмъ не пьютъ водки?—спросилъ я хозяина.

— Пьютъ немножко, которыя деревни близко къ Россіи, а которыя далеко, не пьютъ.

Потомъ въ Архангельскѣ я узналъ, что карелы по бѣдности освобождены отъ кабаковъ. Дѣйствительно, площадки земли, годной для обработки (подъ ячмень), здѣсь рѣдки, да и климатъ суровъ. Держатся кое-какъ рыбной ловлей, охотой, торговлей въ Финляндіи, въ послѣдніе годы рубкою и сплавомъ лѣса на заводы въ Кемь и Ковду. Въ Подужемьѣ на р. Кеми длинный, опасный порогъ. Здѣсь спускаютъ лѣсъ отдѣльными бревнами, при чемъ нѣкоторые сплавщики мчатся по порогу стоя на бревнѣ! И несчастныхъ случаевъ, говорятъ, не было.

До первой школы въ с. Юшкозерѣ 130 верстъ. Дорога идетъ озерами, рѣдко лѣсомъ. Въ лѣсу снѣгъ стоитъ по обѣимъ сторонамъ дороги стѣною больше аршина. Хорошо, что нѣтъ встрѣчъ: мудрено разъѣхаться. Выйти изъ саней тоже нельзя—увязнешь по горло. Стоитъ оттепель. На озерахъ, особенно мелкихъ, образовались дыры благодаря множеству теплыхъ ключей на днѣ. Приходится ѣхать только днемъ.

Юшкозерская школа оказалась школой только по имени. Священникъ (изъ четырехъ карельскихъ школъ—въ трехъ священники преподавали всѣ предметы) объяснилъ, что приходъ у него на 250 верстахъ, и многія требы: крещенье, вѣнчаніе, погребенье—совершаются только зимой, въ учебное время, поэтому заниматься въ школѣ некогда.

— Почему-же требы только зимой?

— Дорогъ нѣтъ. Въ крайнихъ случаяхъ хожу чрезъ болота по жердочкамъ, набросаннымъ кое-какъ, часто обрываюсь и увязаю въ грязи...

По пути въ д. Кимасъ-Озеро ямщикъ показалъ мнѣ небольшой островъ съ часовней, въ которой есть икона святого, покровителя лошадей. Хозяинъ, купившій новую лошадь, прежде всего отправляется въ эту часовню (лѣтомъ везетъ лошадь въ карбасѣ). Тамъ онъ заставляетъ лошадь просунуть голову въ часовню какъ-бы для молитвы. Такой, кощунственный въ сущности, обычай объясняется тѣмъ, что карелъ очень дорожитъ лошадью и бережетъ ее какъ зеницу ока.

Училище въ Кимасъ Озерѣ—большой двухъэтажный деревянный домъ городского типа. построено здѣшнимъ уроженцемъ крестьяниномъ Мининымъ, петербургскимъ купцомъ. При училищѣ—общежитіе для 20—25 дѣтей и сапожный ремесленный классъ. Всѣ эти учрежденія содержатся на значительный капиталъ, пожертвованный Мининымъ. Стран-

но видѣть этотъ дворецъ среди 4—5 избушекъ бѣдной глухой деревни, отъ которой до ближайшаго почтоваго отдѣленія больше ста верстъ.

Отъ Кимасъ-Озера до Вокнаволока (на границѣ съ Финляндіей, какъ и Кимасъ-озеро) 100 верстъ. Здѣсь школа вовсе не „училась", потому что прежній священникъ уѣхалъ еще лѣтомъ, а новый только что пріѣхалъ. Когда я пришелъ къ священнику, онъ и жена его, оба совсѣмъ юные, сидѣли въ прихожей на сундукѣ, передъ которымъ на широкой скамьѣ стоялъ кипящій самоваръ. Никакой другой мебели я не замѣтилъ.

— Вотъ положеніе,—сказалъ священникъ: пріѣхали за тысячу верстъ съ однимъ сундучкомъ, а тутъ пустой домъ да еще всю зиму не топленый. Заняли у сосѣдей дровъ, вотъ эту скамейку и пока живемъ въ передней.

Нужно сказать, что въ Архангельской губерніи причтовые дома обязаны строить и ремонтировать на свой счетъ прихожане. Понятно, дома строятся кое-какъ, а добиться отъ крестьянъ ремонта очень трудно и въ православныхъ приходахъ, не говоря ужъ о старовѣрческихъ.

Поговорили мы со священникомъ о школѣ и рѣшили такъ, что до лѣта будетъ учить жена священника, окончившая епархіальное училище, а съ осени нужно прислать особаго учителя.

Послѣдняя школа была въ большомъ селѣ Ухтѣ, административномъ центрѣ Карелiи, такъ какъ здѣсь живетъ единственный въ краѣ представитель власти урядникъ. Сюда наѣзжаютъ изъ Кеми и другіе чиновники. Ухтинцы говорятъ по-русски лучше, чѣмъ обитатели другихъ посѣщенныхъ мною деревень. Священникъ также почти не посѣщалъ школы, хотя не сознавался въ этомъ и увѣрялъ, будто карельскія дѣти такъ глупы, что ихъ трудно чему нибудь научить.

Возвращаясь изъ школы, я услышалъ въ одномъ домикѣ гулъ дѣтскихъ голосовъ и зашелъ туда. Въ небольшой комнатѣ сидѣло за тремя партами около двадцати карелокъ 14—17 лѣтъ. Всѣ громко читали часословъ. Русская печь топилась во весь развалъ. Изъ сосѣдней комнаты вышла молодая женщина, непричесанная, въ ситцевомъ капотѣ.

— Позвольте спросить, вы учительница?

— Я жена урядника и учительница.

— Чему-же здѣсь учатъ?

— Читать по-славянски и по-русски и писать.

— Сначала по-русски?

— Нѣтъ, сначала по-славянски.

— А говорить по-русски учите?

— Нѣтъ.

— Для чего-же тогда грамота?

— Если какая поѣдетъ въ Россію, выучится тамъ говорить, грамота пригодится.

— Отчего у васъ славянское чтеніе прежде русскаго?

— Батюшка такъ приказалъ, чтобы онѣ поскорѣе могли въ церкви читать.

Я простился и ушелъ.

На мой взглядъ, карелы несимпатичны: очень любятъ жаловаться на свою бѣдность, на чиновниковъ и священниковъ, злословить и насмѣхаться. Жизнь ихъ, конечно, трудна: при небольшой площади удобной земли своего хлѣба всегда мало, не говоря уже о частыхъ неуро-

жаяхъ. Привозный хлѣбъ (изъ Архангельска) страшно дорогъ, заработки ничтожные,—но и у русскаго человѣка—помора, напримѣръ—нашлось бы немало поводовъ къ жалобамъ, однако „въ Россіи“ такихъ жалобщиковъ я встрѣчалъ рѣдко, а о чиновникахъ и духовенствѣ русскій крестьянинъ почти никогда не говоритъ.

По справедливость требуетъ сказать, что трезвостью, умѣренностью, трудолюбіемъ и нравственной порядочностью этотъ народецъ выгодно отличается отъ своихъ сосѣдей поморовъ. Хотя во время моей поѣздки по Карелiи наступила масленица, но въ деревняхъ было тихо: ни пѣсенъ, ни гуляній съ выпивками, ни безобразнаго катанья на лошадяхъ—ничего этого я не видѣлъ. На нѣкоторыхъ станціяхъ я встрѣчалъ пріѣхавшихъ къ хозяевамъ въ гости родныхъ. Всѣ были трезвы и проводили время мирно, въ долгихъ бесѣдахъ за самоваромъ.

По моимъ наблюденіямъ, у карела нѣтъ высокомѣрнаго взгляда на женщину и грубости въ обращеніи съ нею, какъ у русскаго простолюдина. Не слышалъ я здѣсь и брани, не видѣлъ дракъ.

Карельскій языкъ очень труденъ для произношенія: одинъ и тотъ же гласный звукъ выговаривается въ разныхъ словахъ съ такими тонкими оттѣнками, что русскому уху почти невозможно ихъ уловить, а тѣмъ болѣе правильно выговорить, между тѣмъ отъ ошибки въ произношеніи иногда мѣняется значеніе слова.

Былъ послѣдній день масленицы, когда я въѣзжалъ въ большое поморское село Кереть, на карельскомъ берегу моря. Послѣ тихой, чинной Карелiи мнѣ показалось, что всѣ обитатели Керети сошли съ ума. Улицы запружены народомъ. Крики, брань, пѣсни, гамъ цѣлой тучи шныряющихъ ребятъ. Съ горы на гору (Кереть расположена въ холмистой мѣстности) во весь духъ мчатся на лошадяхъ, на оленяхъ совершенно пьяные люди и орутъ дикими голосами. Насилу я добрался до отводной квартиры. Въ домѣ я нашелъ только дряхлаго старичка, стоявшаго на молитвѣ; остальные члены семьи гуляли. Долго не удавалось мнѣ заснуть отъ пѣсенъ и криковъ подъ самыми окнами.

Утромъ, когда старичекъ принесъ самоваръ, я послалъ его попросить у хозяйки молока. Старикъ былъ, видимо, пораженъ, однако, ничего не сказалъ и ушелъ. Прождавъ съ четверть часа, я постучалъ въ полъ. Явилась хозяйка, строгая, важная старуха.

— Мнѣ нужно молока къ чаю,—сказалъ я, неожиданно оробѣвъ.

— Ну, вотъ, а я старику не повѣрила, говорю: врешь ты, не татаринъ-же этотъ чиновникъ, что въ великъ день будетъ молоко лопать.

Не успѣлъ я открыть рта, какъ грозная старовѣрка исчезла.

Вскорѣ въ комнату пришелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ желтымъ исхудалымъ лицомъ.

— Я начетчикъ,—сказалъ онъ, не здороваясь:—пришелъ съ вами поговорить. Вотъ миссіонеръ все попрекаетъ насъ, что наши священныя книги неправильны. Какъ это доподлинно узнать, наши-ли книги невѣрны или ихнія?

— Для этого надо знать древне-еврейскій и греческій языки.

— Гдѣ-же можно этому выучиться?

— Греческому можно и въ Архангельскѣ, а еврейскому въ Петербургѣ, въ Москвѣ. Это дѣло трудное, много времени займетъ.

— Ничего, что трудное, по крайности, узнаемъ правду. А миссіонеру мы не вѣримъ: за деньги говоритъ. Вотъ посмотрите, что онъ здѣсь оставилъ.

Начетчикъ подошелъ къ шкапу и вынулъ оттуда картину.

— Вотъ такія картинки онъ на всѣхъ станціяхъ поставлялъ: то на шкапъ положена, то подъ скатерть, то въ станціонную книгу.

На картинкѣ была изображена окруженная цѣпью толпа безобразныхъ, со звѣрскими лицами мужчинъ, которыхъ сатана тащитъ въ адъ, представленный въ видѣ топящейся печки. Отверстіе печи было очень мало сравнительно съ фигурами грѣшниковъ и громаднаго сатаны. Подъ картиной крупнымъ шрифтомъ напечатано: „расколоучители".

— Картинка обидная, а уничтожить ее боимся; еще отвѣчать придется.

— Вы добровольно ходите на бесѣды съ миссіонеромъ или васъ принуждаютъ?

— Насъ не принуждаютъ, сами иной разъ пойдемъ отъ скуки, да никакого толку не бываетъ: онъ свое, а мы свое, такъ и разойдемся.

Изъ Керети мнѣ предстояло сдѣлать больше тысячи верстъ, чтобы посѣтить два училища: въ с. Кузомени на Терскомъ берегу и въ г. Колѣ.

Въ с. Княжь-Губѣ мрачный хозяинъ станціи спросилъ меня, знакомъ-ли я съ губернаторомъ.

— Попроси ка ты его, чтобы къ намъ пароходъ заходилъ. Тогда мы сами будемъ селедку въ Архангельскъ возить, а то здѣшніе купцы совсѣмъ задешево берутъ.

Изъ разговора выяснилось, что по чьему-то совѣту жители Княжь-Губы подали въ морское министерство прошеніе, чтобы къ нимъ заходилъ пароходъ (товарищества архангельско-мурманскаго пароходства, получающаго большую субсидію отъ казны), и только черезъ годъ министерство удосужилось отвѣтить, что съ этой просьбой крестьяне должны обратиться къ губернатору. По просьбѣ крестьянъ, я написалъ имъ прошеніе.

Отъ с. Ковды, расположеннаго у Кандалакшской губы, мнѣ нужно было переѣхать черезъ эту губу на Терскій (южный) берегъ Кольскаго полуострова. Заливъ покрылся льдомъ и снѣгомъ еще къ январю, но черезъ него никто еще не ѣздилъ въ эту зиму. Рано утромъ подали оленей. Санки для меня имѣли форму и величину гроба, поставленнаго на полозья. Надъ санками были поставлены двѣ низкихъ кибиточки, обращенныхъ одна къ другой отверстіями. Между кибитками оставлено узкое отверстіе, чтобы влѣзать въ этотъ оригинальный экипажъ, въ которомъ всего удобнѣе было лежать на спинѣ. Часовъ въ восемь мы тронулись. Впереди на парѣ сильныхъ оленей ѣхалъ въ легкихъ саночкахъ, похожихъ на миніатюрныя дровни, ямщикъ лопарь, къ его санкамъ была привязана пара оленей, везшихъ меня, къ моимъ—пара съ моей кладью. Сзади ѣхалъ второй ямщикъ, наблюдавшій за всѣмъ поѣздомъ. Къ его санкамъ было привязано нѣсколько запасныхъ оленей—для замѣны усталыхъ. Привязанные олени на ходу упирались, такъ что передняя пара тащила весь поѣздъ, только ямщикъ сзади ѣхалъ отдѣльно. Оленей привязываютъ оттого, что безъ привязи они убѣгутъ въ лѣсъ, какъ это разъ и сдѣлала пара, везшая мои вещи. Намъ предстояло прокладывать дорогу по глубокому снѣгу черезъ заливъ на разстояніи двадцати верстъ. Тащились цѣлый день и уже въ сумерки добрались до берега. Олени совсѣмъ обезсилѣли, а до станціи было еще десять верстъ. Мы остановились въ курной избушкѣ, поставленной на берегу для путниковъ, застигнутыхъ метелью или морозомъ. Возлѣ избушки лежала вязанка дровъ. Затопили печь и открыли дверь. Скоро изба

наполнилась дымомъ и я вышелъ. Часа черезъ полтора печь истопилась, и въ избушкѣ стало тепло. Мы закусили (а олени лежали не ѣвши), и ямщики улеглись на полатяхъ соснуть. Только къ пяти часамъ утра добрались мы до станціи.

Меня поразили поморы этого берега. Какой ростъ, сила, какія красивыя лица и стройныя фигуры! Настоящіе русскіе богатыри: на станціяхъ приходилось часа по четыре ждать оленей. Было время насмотрѣться на этихъ сѣверныхъ великановъ и поговорить съ ними.

Съ весны они уходятъ къ устьямъ рѣчекъ, гдѣ у нихъ построены избы, для ловли семги, которая идетъ массами для метанія икры. Иные охотятся на морского звѣря (тюлени разныхъ породъ), есть и оленеводы. Промыслы были бы гораздо выгоднѣе, если-бы не приходилось сбывать рыбу, оленину и проч. скупщикамъ, наѣзжающимъ сюда весной и осенью.

При случаѣ я старался внушать поморамъ идею организаціи промышленныхъ товариществъ хотя-бы для сбыта продуктовъ безъ помощи дорогихъ посредниковъ. Всѣ соглашались, что это было-бы очень хорошо, но денегъ нѣтъ. Я думаю, однако, что кромѣ денегъ нѣтъ у нихъ взаимнаго довѣрія и привычки дѣйствовать сообща.

Въ Кузомени (самомъ большомъ селеніи на Терскомъ берегу) я проѣхалъ прямо въ училище, которое имѣетъ свой домъ. Учитель отъ неожиданности долго не могъ успокоиться (инспекторъ не могъ быть здѣсь года четыре). Ученики являются въ ноябрѣ, по окончаніи промысловъ, а въ апрѣлѣ уходятъ опять на промыслы, поэтому остаются въ училищѣ 4—5 лѣтъ.

Село лежитъ на открытомъ, низкомъ берегу, лѣтомъ заносится пескомъ, а зимою—снѣгомъ. Море на большое разстояніе мелко, какъ и на всемъ протяженіи Лѣтняго берега, и пароходы останавливаются очень далеко, а въ бурную погоду проходятъ мимо. Высаживаться съ парохода въ лодку, прыгающую по волнамъ, очень трудно. Иногда вещи вмѣсто лодки попадаютъ въ море. Случается это и съ пассажирами.

Когда я возвращался въ Ковду, стояла оттепель, и дулъ сильный западный вѣтеръ. При такой погодѣ не разъ случалось, что ледъ изъ Кандалакшскаго залива отрывался отъ береговъ и уплывалъ въ море. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ унесло въ море десятка три оленей, перевозившихъ товаръ, люди-же спаслись вплавь, такъ какъ обозъ былъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, когда ледъ тронулся. Этотъ случай не выходилъ у меня изъ головы, пока мы тащились черезъ заливъ по размокшему снѣгу.

Отдохнувъ въ Ковдѣ, я поѣхалъ черезъ с. Кандалакшу въ Колу.

Несмотря на великій постъ по Кандалакшѣ бродило нѣсколько ньяныхъ. Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ, зашелъ ко мнѣ на станцію.

— Ты чиновникъ изъ Архангельскаго?—спросилъ онъ, не здороваясь.

— Да.

— Скажи тамъ, сдѣлай милость, что водка у насъ больно плоха: выпьешь—цѣлый день отъ живота катаешься.

— Кто-же тебѣ велитъ пить.

Ну, вонъ ты куда! Я говорю, водку плохую дѣлаетъ N.

— Жалуйся акцизному.

— Развѣ не жаловались? Да что съ тобой толковать!— Онъ махнулъ рукой и ушелъ.

Когда я вышелъ садиться въ сани, молодой парень, тоже подвыпившій, предложилъ купить у него гагачьяго пуха по 60 коп. за фунтъ. Пухъ былъ грязный очень засоренный мелкими стеблями и другими остатками гнѣзда.

Наши промышленники на Мурманѣ заставили гагу переселиться въ Норвегію, такъ какъ забирали и пухъ и яйца, норвежцы же яицъ не трогаютъ и пухъ берутъ два раза, зная, что гага можетъ нащипывать у себя пухъ до трехъ разъ.

Вообще, русскіе промыслы имѣютъ хищническій, истребительный характеръ. Напримѣръ, въ Архангельскомъ уѣздѣ деревенскіе ребята весной ѣздятъ въ легкихъ лодочкахъ по болотамъ и забираютъ тысячи гусиныхъ яицъ. При ловлѣ семги на небольшихъ рѣчкахъ ставятъ заборы, чтобы ни одна рыба не проскочила.

Къ вечеру я пріѣхалъ на станцію въ лопарскую деревушку. Близъ озера стояло нѣсколько избушекъ въ одно-два окна, съ плоскими крышами. Въ станціонной тунѣ (такъ называются лопарскія избы) была страшная грязь и холодъ. Слышался тошнотворный оленій запахъ. Ямщики-лопари сейчасъ-же отправились въ лѣсъ за оленями, а пожилая лопарка, маленькая, съ пріятнымъ, добродушнымъ лицомъ, миловидная дѣвушка лѣтъ семнадцати затопила очагъ въ родѣ большого камина съ грудой плоскихъ камней внутри, на которыхъ лопарки пекутъ ячменныя лепешки. Когда разгорѣлись толстыя, двухъаршинныя полѣнья, отъ пламени стало такъ жарко, что я сѣлъ въ уголъ, рядомъ съ каминомъ.

Вся обстановка избушки состояла изъ грязнаго стола и такихъ же скамей вдоль стѣнъ. У правой отъ входа стѣны, близко къ двери, днѣ скамейки были сдвинуты, и на нихъ постлана оленья шкура.

Лопарка поставила на одинъ изъ плоскихъ камней въ очагѣ котелокъ съ водой, а я занялся мытьемъ единственнаго имѣвшагося въ избѣ стакана. Такъ какъ грязь не отмывалась ни холодной, ни горячей водой, то я пустилъ въ ходъ мыло. Вода въ котелкѣ между тѣмъ закипѣла, но изъ котла шелъ противный запахъ смѣси оленины, рыбы и еще чего то. Какъ ни хотѣлось чаю, но пробовать эту воду я не рѣшился. Тогда хозяйка предложила сварить въ этой-же водѣ рыбу, зарытую въ снѣгъ возлѣ избушки. Я согласился. Такъ какъ лопарка, видимо, не хотѣла или боялась со мной разговаривать, то пришлось обратиться къ помощи коньяка. Выпивъ двѣ рюмки съ удовольствіемъ и не поморщившись, она сразу повеселѣла и разсказала, что она вдова, а дѣвушка—ея дочь, живутъ онѣ хозяйками у ямщиковъ; гдѣ-то далеко внутри Лапландіи, у нихъ есть своя тупа. Захмелѣвъ отъ двухъ рюмокъ и отъ сильнаго жара, она стала вспоминать, какъ хорошо ей жилось съ мужемъ, особенно въ лѣтнее время.

Построимъ мы шалашъ около озера и все лѣто рыбу ловимъ. Вотъ какъ весело было! Пѣсни поемъ.

— А комары?

Комары ничего, мы не боимся. Огонь большой сдѣлаемъ—комары прочь летятъ.

Я попросилъ ее спѣть, но она не захотѣла.

Что-же ты дочку не выдаешь? Вѣдь она ужъ большая.

— Женихи боятся. Свищетъ она ночью шибко гулко. Женихи говорятъ: чортъ въ ей сидитъ.

— А днемъ не свиститъ?

— Днемъ не умѣетъ.

Я былъ удивленъ: ничего подобнаго не приходилось слышать.

Сиги, наконецъ, сварились. Очень вкусная рыба: лапландскія озера славятся сигами. Зато ячменныя лепешки, полусырыя, прѣсныя, изъ крупно смолотой на ручномъ жерновѣ муки я не могъ ѣсть и досталъ свой помороженый ржаной хлѣбъ.

Оленей привели часа черезъ четыре.

— Неужели мнѣ придется такъ долго ждать на каждой станціи?

— Будешь ждать. Говори, когда назадъ поѣдешь, тогда не будешь ждать, мы оленей пригонимъ. Чиновники съ почтой заказываютъ оленей.

Почти весь путь до Колы шелъ озерами. Однообразная снѣжная равнина, черные еловые лѣса по сторонамъ, монотонныя покрикиванья ямщика, ровный бѣгъ оленей—нагоняютъ скуку. Лежишь, лежишь и задремлешь. Я любовался удобствомъ и легкостью зимней одежды лопарей, сшитой изъ оленьихъ шкуръ. Штаны составляютъ одно цѣлое съ обувью, короткій до колѣнъ кафтанъ, перетянутый поясомъ, рукавицы пришиты къ рукавамъ. Шапку мужчины надѣваютъ только въ морозы или очень вѣтряную погоду.

Насколько мнѣ пришлось узнать, лопари разсѣяны небольшими селеніями внутри Лапландіи и на восточномъ ея берегу. Оленьи стада постепенно переходятъ въ собственность русскихъ и зырянъ, лопаріе же занимаются рыбной ловлей и морскими промыслами, нанимаются въ пастухи и батраки. Интересно, что одинъ печорскій оленеводъ-зырянинъ перебрался со своимъ стадомъ сюда (здѣсь нѣтъ сибирской язвы), и до сихъ поръ здѣшнимъ оленеводамъ не удалось его выжить.

Ѣзда на почтовыхъ оленяхъ непріятна, потому что они слабосильны отъ недостатка хорошаго корма вблизи станцій; ночью отъ всякаго чернаго пня или камня бросаются въ сторону, съ горы несутся во всю прыть (олень тянетъ сани за ремень, пропущенный ему между ногъ, и потому съ горъ санки на него набѣгаютъ), а сбѣжавши, внезапно поворачиваютъ, ложатся и хватаютъ снѣгъ.

Невдалекѣ отъ Колы дорога свернула на р. Колу и пошла узкой полосой возлѣ лѣваго берега, а рядомъ, по правой сторонѣ русла, мчалась вода, и шумѣли пороги. Была тихая, лунная ночь, и разыгрывалось сѣверное сіяніе. Несмотря на сильный морозъ я вышелъ полюбоваться этой рѣдкостной картиной (сѣверное сіяніе обычно случается въ новолуніе). Торжественно и безмолвно свѣтились небо и земля. На сѣверѣ появлялись, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, безпрерывно мѣняясь, и постепенно тускнѣли разноцвѣтные столбы и пуки лучей. И снѣгъ, и бурливая вода горѣли, какъ тысячи брилльянтовъ. Очарованный этой дивной картиной, я стоялъ до тѣхъ поръ, пока морозъ не заставилъ снова влѣзть въ санки подъ мѣховое одѣяло.

Г. Кола частью пріютился у самой океанской губы въ узкой долинѣ р. Колы, между двумя очень высокими холмами, частью раскинулся по западному холму. Другой, восточный, холмъ, заросшій мелкимъ ельникомъ, зимой напоминаетъ коротко-остриженную голову. Берега губы также высоки и покрыты лѣскомъ. Западный холмъ къ сѣверу

спускается въ долину, по которой мчится въ губу р. Тулома. Приливъ и отливъ ходятъ по ней съ такой быстротой, что рѣка вѣчно кипитъ и волнуется. Въ рѣку Колу приливъ не заходитъ.

Кола самый маленькій городокъ въ губерніи, если не считать вскорѣ открытаго Александровска: въ немъ всего около 700 жителей. Злоязычные люди называютъ его и самымъ пьянымъ. Разсказываютъ, будто во время Севастопольской войны англичане взяли въ плѣнъ главныхъ кольскихъ чиновниковъ. Съ ними обращались хорошо и даже приглашали въ каютъ-кампанію къ столу. За первымъ-же обѣдомъ плѣнные показали такую способность пить не пьянѣя, что привели въ восхищеніе суроваго непріятеля.

Квартирная хозяйка говорила мнѣ, что, когда въ заливѣ показался непріятельскій корабль, коляне, захвативъ пожитки, сколько было можно, укрылись въ лѣсъ, гдѣ и провели три дня, до ухода англичанъ.

Если современные кольскіе чиновники сколько-нибудь достойны своихъ великихъ предшественниковъ, то можно представить, какъ они волновались, узнавъ, что къ Пасхѣ, во время распутицы, у торговца осталось только двѣ бутылки водки и бутылка вина. Какъ ихъ раздѣлить? Кольскій Соломонъ послалъ по бутылкѣ водки исправнику и акцизному надзирателю, а винопротопопу и этимъ всѣхъ умиротворилъ.

Освѣтительныхъ матеріаловъ въ иные годы также не хватаетъ. Это и понятно: уже въ октябрѣ день здѣсь очень коротокъ, а потомъ солнце вовсе скрывается больше, чѣмъ на мѣсяцъ.

Городокъ такъ обиженъ судьбой, что въ немъ нѣтъ ни лошадей, ни коровъ (сѣно пришлось-бы выписывать изъ Архангельска), нѣтъ даже барышенъ, которыми такъ обиленъ любой русскій городъ.

Въ Колѣ только одно учебное заведеніе—одноклассное приходское училище. Какъ и въ Кузомени, занятія начинаются въ ноябрѣ, а къ Пасхѣ уже заканчиваются: надо отправляться на промыслы. Во время семимѣсячныхъ каникулъ дѣти такъ хорошо забываютъ пройденное, что много времени уходитъ на повтореніе, поэтому вмѣсто трехъ остаются въ школѣ пять и шесть лѣтъ.

Въ эту зиму дѣтей отвлекъ отъ ученія еще особый случай.

Въ началѣ декабря въ губѣ появилась треска—явленіе необычайное а за треской акулы. Заливъ покрылся народомъ. Всѣ отъ мала до велика принялись за работу. Для ловли акулы вокругъ проруби становятся три-четыре человѣка. Опускаютъ въ прорубь цѣпь съ острымъ крючкомъ, на который насажена треска. Когда акула схватитъ наживу, ее вытаскиваютъ изъ проруби до половины, распарываютъ животъ, вынимаютъ печень (изъ которой вытапливается жиръ, затѣмъ трупъ бросаютъ въ воду. Однажды во время лова двухъ-аршинный ледъ на заливѣ внезапно треснулъ. Ловцы бросились къ берегу. Ледъ раздался, выплылъ громадный китъ и пустилъ свой фонтанъ.

Трески наловили такъ много, что она лежала на всякомъ дворѣ полѣницами, какъ у насъ дрова.

Кольскія мѣщанки славятся красотой и стройностью. Когда мѣстныя дѣвушки въ старинныхъ русскихъ нарядахъ стояли группою при встрѣчѣ великаго князя Владимира Александровича, пріѣзжавшаго на открытіе г. Александровска, великій князь, взглянувъ на нихъ, съ удивленіемъ спросилъ: „кто это такія?“ Очевидно, онъ не предполагалъ, что женщины такого изящнаго сложенія, съ тонкими, правильными чер-

тами, простыя мѣщанки. Я видѣлъ здѣшнихъ дѣвушекъ только издали, когда онѣ скатывались съ горы на санкахъ къ рѣкѣ за водой. На гору санки съ кадочками воды втаскивали большія черныя собаки.

Проходя вечеромъ по городу, я обратилъ вниманіе на необыкновенную кротость этихъ собакъ, лежавшихъ у воротъ чуть не у каждаго дома: онѣ не только не кидались, даже не лаяли на меня. Потомъ я не разъ вспоминалъ кольскихъ собакъ, . когда случалось встрѣчать злыхъ двуногихъ псовъ, всегда готовыхъ не только облаять, но и укусить ближняго.

Передъ отъѣздомъ мнѣ понадобилось купить сахару. Въ 9 часовъ утра иду въ лавку—заперта. Спрашиваю мальчика, стоящаго у воротъ, скоро-ли отопрутъ лавку. Онъ говоритъ, что лавку не отворятъ, нужно идти на домъ къ хозяину.

Мальчикъ привелъ меня въ небольшую комнату, гдѣ двое мужчинъ и женщина сидѣли за самоваромъ. Поздоровавшись, я попросилъ отпустить сахару.

— Вотъ попьемъ чайку, тогда отпустимъ. Не угодно-ли стаканчикъ? Милости просимъ.

Пошли разспросы, кто я, гдѣ живу, зачѣмъ пріѣхалъ...

Часа черезъ полтора получилъ я наконецъ сахаръ по 28 коп. за фунтъ.

Обратный путь изъ Колы въ Кемь я совершилъ въ шесть сутокъ, а черезъ день поѣхалъ дальше. Было начало марта. Дни стояли ясные. Около полудня солнце замѣтно пригрѣвало. Въ селахъ на рѣчкахъ женщины полоскали бѣлье въ однихъ сарафанахъ, съ непокрытыми головами.

Стали встрѣчаться рабочіе-поморы, ѣхавшіе на Мурманъ. Въ каждыхъ саняхъ лежало нѣсколько человѣкъ, закрытыхъ погорло одеждою.

— Почему они лежатъ?.. спросилъ я у ямщика.

— Голые они лежатъ, чтобъ теплѣе было. Одеженка-то у ихъ плохая, а дорога дальняя. Случается какой баловникъ, опружитъ (опрокинетъ), санки, они голые-то и валятся въ снѣгъ.

До Лапландіи промышленники ѣдутъ на своихъ или нанятыхъ дома лошадяхъ, а дальше идутъ пѣшкомъ. Въ тѣхъ-же лопарскихъ деревушкахъ, гдѣ и почтовыя станціи, для поморовъ выстроены казной ночлежки. Здѣсь иные пьянствуютъ и безобразничаютъ, какъ новобранцы. На Мурманѣ ихъ ждетъ суровая жизнь, полная трудовъ и лишеній. Сначала, пока еще нѣтъ рыбы у нашихъ береговъ, они ловятъ въ Норвегіи, а потомъ переходятъ въ свои становища—грязныя, холодныя, сырыя избушки. Ежедневно, когда вѣтеръ не очень силенъ, они выѣзжаютъ на карбасахъ въ океанъ верстъ за тридцать отъ берега. Пріѣхавъ на мѣсто, каждая партія растягиваетъ надъ водой длинную веревку съ насаженными на ней крючками съ приманкой, которою служитъ мелкая рыбка мойва. Ловъ идетъ, пока наполнится треской весь карбасъ. На океанѣ холодно и въ іюлѣ. Каково-же бываетъ въ мартѣ, апрѣлѣ! Солнце здѣсь показывается рѣдко. Мрачныя тучи, рѣзкіе вѣтры со снѣгомъ или дождемъ, густые туманы—вотъ что видятъ промышленники даже въ лѣтніе мѣсяцы. Но такъ рано отправляется на Мурманъ меньшинство рабочихъ; большая-же часть пріѣзжаетъ съ хозяевами на судахъ въ маѣ, но почти всѣ остаются до сентября, когда въ Архангельскѣ открывается ярмарка.

На Мурманъ берутъ также мальчиковъ, которые, между прочимъ, занимаются ловлею мойвы у берега. Эта рыбка появляется то въ однихъ, то въ другихъ мѣстахъ. Иногда ее долго разыскиваютъ. Впослѣдствіи по берегу Мурмана провели телеграфъ, который извѣщаетъ, гдѣ именно есть мойва въ данное время, а также освѣдомляетъ промышленниковъ о цѣнахъ на рыбу въ Норвегіи. Для нуждъ промышленниковъ между становищами ходитъ казенный пароходъ, такой маленькій, что всѣ удивляются искусству капитана, охраняющаго эту скорлупу отъ грозныхъ океанскихъ волнъ.

Пойманную рыбу не успѣваютъ сразу засолить. Отъ этого она портится и получаетъ специфическій, очень непріятный запахъ. Но пріученные вѣками сѣверные жители именно такую рыбу и любятъ. На всемъ Сѣверѣ, у богатыхъ и у бѣдныхъ треска—такая-же ежедневная потребность, какъ хлѣбъ. Даже пасхальный столъ безъ нея не обходится. Еще противнѣе запахъ сайды и пикшуя, зато по цѣнѣ они доступны и самымъ бѣднымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Ломбергъ.

Изъ воспоминаній о службѣ въ Архангельской губерніи.

(Продолженіе. См. № 13-й „Извѣстій" 1911 г.).

IV

Лѣтомъ мнѣ удалось побывать въ Соловецкомъ монастырѣ. Выѣхали изъ Архангельска на монастырскомъ пароходѣ вечеромъ 27 іюня. Всѣ служащіе на пароходѣ, начиная съ капитана,—монахи и послушники. Погода стояла тихая и очень теплая. Пассажировъ набралось много. Въ каютѣ перваго класса мы едва размѣстились. Переходъ изъ безбрежной рѣки въ море нельзя было замѣтить. Несмотря на полное безвѣтріе въ морѣ ходила легкая рябь. Справа виднѣлся высокій лѣсистый зимній (восточный) берегъ. Солнце, склонившись къ горизонту, расплющилось и приняло форму сильно растянутаго элипсиса. Море горѣло, какъ расплавленное золото. Вотъ солнце скрылось. Вода стала

багрово красною, потомъ приняла малиновый цвѣтъ, который скоро перешелъ въ зеленовато-желтый и около полуночи—въ голубой. Эта смѣна очаровательныхъ красокъ приковывала вниманіе: я дрожалъ отъ холода (въ осеннемъ пальто), прижимался къ пароходной трубѣ, чтобы согрѣться, а въ каюту все таки не шелъ. Около часа ночи сѣверо-востокъ сталъ разгораться, а черезъ полчаса показалось и солнце, такое же сплющенное, какъ и при закатѣ, но тусклое, словно луна. Только поднявшись довольно высоко, оно засіяло. Вмѣсто зимняго виднѣлся низкій лѣтній (южный) берегъ. Картина стала однообразною, началъ одолѣвать сонъ и я отправился въ каюту.

Въ первомъ классѣ ѣхали, между прочимъ, два знакомыхъ мнѣ архангельскихъ чиновника. За утреннимъ чаемъ одинъ изъ нихъ разсказывалъ о своихъ поѣздкахъ на Новую Землю весною, чтобы взять у колонистовъ-самоѣдовъ все, что они добыли за годъ (тюленьи кожи и сало, шкуры бѣлыхъ медвѣдей и живыхъ медвѣжатъ, моржовую кость и проч.), и продать въ Архангельскѣ, чтобы отвезти самоѣдамъ разные необходимые запасы.

— Если-бы не долги,—откровенно сказалъ онъ,—честное слово, ни за что не сталъ бы туда ѣздить. Получишь какія несчастные прогоны па двѣ тысячи верстъ да суточныя, а сколько мученья, страха какого натерпишься! Въ недѣлю совсѣмъ изведешься. Одна качка чего стоитъ! Голова, какъ свинцомъ налита, безпрестанно тошнитъ, сна нѣтъ —отвратительное состояніе. Въ прошломъ году едва не погибли: только что изъ Кармакулъ (гавань) вышли, смотримъ, льды плывутъ изъ Карскаго моря и близко: развели такіе пары, что думали, котелъ не выдержитъ. А тутъ еще качка, пароходъ трещитъ, того и гляди пополамъ переломится (староватъ пароходъ-то для такого опаснаго рейса). Попраздновалъ я трусу!...

— Разскажите что нибудь о Новой Землѣ.

— Что-же разсказывать? Голыя скалы, холодище, грозная, суровая природа. Впрочемъ, однажды видѣлъ лужокъ, покрытый желтыми цвѣтами. Они такъ ярки, что больно смотрѣть. Вотъ, что значитъ незаходящее солнце.

— Выходили вы на палубу во время большого волненія?

— Одинъ разъ выходилъ. Въ этотъ моментъ пароходъ спускался съ волны. Онъ такъ долго съѣзжалъ въ темную бездну, что мнѣ показалось, будто идемъ ко дну. Потомъ носъ парохода медленно началъ подыматься до тѣхъ поръ, пока пароходъ сталъ чуть не вертикально. Такая тихая качка самая мучительная, зато правильныя волны не такъ опасны.

— Ужасная сторона.

— Да, сторонка неважная. Зимой бѣлые медвѣди и тѣ прячутся въ пещеры.

— Живетъ тамъ кто нибудь кромѣ самоѣдовъ?

— Священникъ изъ соловецкихъ монаховъ и фельдшеръ, но больше года не выдерживаютъ—цынгой начинаютъ хворать. Пріѣзжала туда ученая экспедиція. Жила въ своихъ палаткахъ обыкновенной четыреугольной формы. Въ одну прекрасную ночь вѣтромъ унесло палатки въ море.

— Теперь я понимаю, сказалъ начальникъ экспедиціи,—почему самоѣдскіе чумы имѣютъ коническую форму.

Часу въ четвертомъ дня показались главы монастырскихъ храмовъ, потомъ и самый монастырь. Мы шли, обставленнымъ бакапами, узкимъ фарватеромъ. Онъ такъ извилистъ, что безъ этихъ указателей самый опытный лоцманъ непремѣнно напоролся-бы на камни.

Пароходъ подходитъ къ пристани. Звонятъ ко всенощной: завтра Петровъ день—храмовой монастырскій праздникъ. Устроившись въ гостиницѣ, мы (я со мною были двѣ родственницы) пошли въ церковь. Стѣны церковнаго притвора расписаны картинами. На одной сатана ведетъ въ адъ грѣшниковъ, окруженныхъ цѣпью: впереди цари, за ними архіереи, священники, міряне. Другія изображаютъ въ наглядной формѣ смертные грѣхи. Я не могъ долго пробыть въ церкви изъ за—духоты, служба же окончилась только къ полуночи, чѣмъ набожные паломники были очень довольны.

Заутреню мы проспали и за это получили замѣчаніе отъ прислуживавшаго намъ стараго послушника. Во время обѣдни я съ однимъ знакомымъ осматривалъ монастырь. Прежде всего намъ хотѣлось заглянуть въ подземные казематы, но оказалось, что входы туда заложены дровами. Въ одинъ мы все-таки проникли. Онъ кубической формы, въ родѣ каменнаго ящика (арш. $2^1/_2$), безъ окна (у насъ была свѣча), съ землянымъ поломъ. О такой сырости, какъ въ этомъ казематѣ, я раньше не имѣлъ понятія: казалось, что въ легкія вливается прохладная вода. Отсюда мы пошли въ тюрьму. Тогда въ числѣ немногихъ арестантовъ былъ извѣстный Пушкинъ, съ которымъ мнѣ очень хотѣлось поговорить, но онъ въ это время былъ въ церкви. Пошли въ школу. Классъ большой, но очень низкій. Послушникъ сказалъ намъ, что учатъ только зимой (подростковъ, отдаваемыхъ по обѣтамъ на годичную работу къ угодникамъ). Учитъ всякій желающій и всѣ учителя занимаются одновременно. По словамъ моего знакомаго, изъ всей монашествующей братіи монастыря только одинъ іеродіаконъ окончилъ курсъ духовнаго училища, остальные, въ томъ числѣ и настоятель, обучены только грамотѣ. До конца обѣдни мы успѣли осмотрѣть еще хлѣбопекарни съ колоссальными печами.

Садикъ у церкви былъ полонъ гнѣздами чаекъ. Безпрестанные рѣзкіе крики этихъ птицъ раздражали нервы. Чайки цѣлой стаей окружали проходившихъ черезъ садъ, какъ нахальные нищіе, требуя подачки. Здѣсь всѣ ожидаютъ даяній. Пожилая крестьянка при мнѣ спрашивала у послушника, на что лучше отдать деньги: на молебенъ, на свѣчи, въ кружку положить или купить что нибудь въ монастырской лавкѣ?

— На что хочешь отдай, все равно угодникамъ пойдетъ, только домой не увози.

А у богомольцевъ, кромѣ своихъ, бываютъ и чужія деньги, данныя сосѣдями и знакомыми на молебны, свѣчи и т. п. Говорятъ, въ теченіе навигаціи здѣсь перебываетъ до ста тысячъ паломниковъ. Сколько-же денегъ они оставятъ! Между тѣмъ, на обширномъ монастырскомъ дворѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ выставлены такія печатныя объявленія: „Монастырь принимаетъ на житье только людей сильныхъ, годныхъ на всякую работу, слабые-же, увѣчные и больные не должны расчитывать на пріютъ въ монастырѣ“. По крайней мѣрѣ, откровенно. Въ сущности, Соловки—промышленная община, ведущая самыя разнообразныя предпріятія: пароходство, морской промыселъ, скотоводство, всякія ремесла и т. п. На это требуются не только сильные, но знающіе и способные люди.

Настоятель избирается соборомъ іеромонаховъ. Однажды синодъ назначилъ сюда архимандрита ученаго, но незнакомаго съ хозяйствомъ и мѣстными условіями и притомъ самоувѣреннаго. Замѣтивъ это, соборъ настоялъ, чтобы ему разрѣшили, постаринѣ, избрать настоятеля изъ своей среды.

Послѣ обѣдни позвали на трапезу. Въ большой низкой трапезной для мужчинъ было три стола покоемъ. За верхнимъ столомъ сидѣло нѣсколько іеромонаховъ. Началось чтеніе житія. Кушанья разносили человѣкъ пятнадцать послушниковъ. Сначала подавали монахамъ, потомъ богомольцамъ. Пока служки доходили до нижняго конца столовъ, монахи съѣдали и звонили. По звонку послушники хватали у всѣхъ тарелки, не обращая вниманія, доѣлъ кто или только начинаетъ ѣсть, а другіе ужъ несли слѣдующее блюдо. Выходило нѣчто похожее на то, какъ лиса подчивала журавля кашей, размазанной по тарелкѣ. Я все-таки успѣлъ попробовать каждаго изъ трехъ очень вкусныхъ кушаній. Ржаной хлѣбъ и квасъ удивительные. Тѣмъ досаднѣе было вставать изъ-за стола голоднымъ. Вообще, по части продовольствія здѣсь плохо.

Въ монастырской лавкѣ продается только хлѣбъ и семга. Молока и масла почему-то не продаютъ, хотя въ монастырѣ есть большое стадо холмогорскихъ коровъ. На праздникъ въ монастырь пріѣхало на карбасахъ много поморокъ изъ ближайшихъ селъ. Красивыя, нарядныя и веселыя, онѣ рѣзко отличались отъ бѣдно одѣтыхъ, серьезныхъ богомолокъ. Повидимому, поморки имѣли знакомыхъ среди послушниковъ. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены: молодая поморка о чемъ-то просила высокаго, рыжаго послушника, тутъ-же стояли ея товарки; послушникъ не соглашался; просительница разсердилась:

— Такъ ты не дашь, Иванъ, не дашь? Погоди-же, я тебѣ припомню.

Эта угроза вызвала всеобщій хохотъ. Упрямецъ покраснѣлъ и нырнулъ въ толпу.

Мы еще разъ сходили къ Пушкину,—онъ спалъ.

Вскорѣ послѣ трапезы для состоятельныхъ богомольцевъ подали парныя линейки—ѣхать по скитамъ. Дороги здѣсь превосходныя. Въ одномъ скитѣ мы влѣзали на колокольню церкви, построенной на высокомъ конусо-образномъ холмѣ. Отсюда былъ прелестный видъ на острова и на море, но поѣздку отравляли тучи большихъ сѣверныхъ комаровъ, отъ которыхъ иные даже плакали. Этихъ ужасныхъ насѣкомыхъ нѣтъ только на берегу моря, гдѣ я провелъ утро слѣдующаго дня. Это зеленовато-голубое море влечетъ къ себѣ неотразимо: безъ конца хочется смотрѣть въ таинственную даль, дышать чуднымъ бодрящимъ воздухомъ, прислушиваться къ тихому плеску волнъ и отдаленному крику морскихъ птицъ.

Когда я возвращался домой, нашъ служка, отдыхая, сидѣлъ на крыльцѣ гостиницы. Я подсѣлъ къ нему.

— Каково здѣсь зимой?

— Плохо: холода большіе, вѣтры, погоды (метели). Мы, люди рабочіе, завсегда при дѣлѣ, а отцы (іеромонахи) другіе скучаютъ.

— Отчего они такъ худы, желты, невеселы?

— Господь знаетъ. Много по кельямъ сидятъ, зимой только къ службамъ выходятъ. Въ кельяхъ-то жарко натоплено, а они въ ватныхъ подрясникахъ, вотъ и простужаются.

— Я слышалъ, что сюда и зимою почту возятъ?

— Почта рѣдко бываетъ, раза четыре въ зиму: трудно очень. Въ Поморьѣ мысокъ такой одинъ есть, не умѣю назвать, такъ отъ этого мыска ночью въ какіе-то часы вода прямо къ намъ идетъ. Съ водой и привозятъ почту, а наши выѣзжаютъ встрѣчать. Назадъ тоже въ какое-то время бываетъ вода, и нашу почту туда везутъ. Опасное это дѣло: темно, льдины плывутъ.

— Сколько же платятъ за доставку почты?

— Слыхалъ я, будто 25 рублей, а навѣрно не знаю.

— Мнѣ разсказывали, что прошлой зимой сюда привезли какого-то монаха изъ Александро-Невской лавры и кемскому благочинному велѣно было его проволить.

— Спаси Богъ! ничего я про это не знаю,—съ неудовольствіемъ сказалъ служка и пошелъ въ гостиницу.

Часу въ двѣнадцатомъ дня, до трапезы, пароходъ съ богомольцами отошелъ въ Архангельскъ.

V.

Въ январѣ слѣдующаго года я поѣхалъ осматривать школы въ Мезенскомъ, Печорскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ. На разстояніи 200 верстъ отъ Архангельска до Пинеги въ то время была всего одна школа—въ л. Юролѣ. Теперь, за послѣднее десятилѣтіе, число школъ въ Арх. губ. удвоилось. Здѣсь я ночевалъ, но почти не могъ уснуть, такъ какъ пьяный хозяинъ станціи всю ночь бушевалъ и тиранилъ свою жену. На другой день несчастная женщина, еще молодая, но изнуренная бѣдностью и горемъ, разсказывала, что мужъ напивается каждый вечеръ и бьетъ ее безпощадно. Зная, что дѣтей у нихъ нѣтъ, я спросилъ, почему она не уйдетъ отъ него и былъ пораженъ ея отвѣтомъ:

—Ушла-бы, безпремѣнно ушла, да коровушки жалко. Пинега—маленькій, бѣдный городокъ, служитъ мѣстомъ большой, продолжающейся весь декабрь ярмарки, на которую привозятъ съ Печоры рыбу, оленину, личь и пригоняютъ лошадей. Купцы съ своими товарами (мануфактурными и всякими другими) пріѣзжаютъ не только изъ Архангельска, но также изъ другихъ губерній. Здѣшніе мѣщане на время ярмарки отдаютъ свои дома подъ постой торговцамъ, а сами перебираются въ бани и другія неудобныя для жилья помѣщенія, и этотъ заработокъ, кажется, составляетъ главный ихъ доходъ.

Хозяйка отводной квартиры, бойкая, моложавая вдова, все еще находилась подъ впечатлѣніемъ ярмарки.

—Деньжонокъ заработала отъ своихъ квартирантовъ,—разсказывала она,—и время провела весело. Люблю купцовъ: хорошій народъ. Какъ вечеръ, лавки закроютъ, такъ и примутся гулять: карты, вина, закуски всякія и ужинъ кромѣ того.

— Но вѣдь это для васъ безпокойно?

— Не бѣда, днемъ высплюсь. Зато и выгодно, и весело.

— Большая ярмарка?

— Очень большая. Однихъ торговцевъ ста три бываетъ. Товары всякіе, всякіе, какихъ только хочешь. Не дай Богъ ѣхать навстрѣчу, когда ярмарка съѣзжается или разъѣзжается.

Двухклассное мужское приходское училище помѣщалось въ верхнемъ этажѣ большого дома моей хозяйки, а женская одноклассная школа—въ сосѣднемъ домѣ. Квартиры были ветхи и неудобны, но больше некуда было дѣваться.

По обыкновенію, сдѣлалъ визиты исправнику и чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣдній, между прочимъ, разсказывалъ, что о. Іоаннъ Кронштадтскій совсѣмъ избаловалъ подачками крестьянъ на своей родинѣ въ селѣ Сурѣ. Многіе забросили землю. Что съ ними будетъ послѣ смерти о. Іоанна. Чиновникъ говорилъ объ этомъ о. Іоанну, но вызвалъ только неудовольствіе.

— Какъ ни досадно, говорилъ онъ,—а придется молчать—своя рубашка ближе къ тѣлу.

Изъ Пинеги въ Мезень лѣтняя дорога круговая, около 300 верстъ, а зимняя, болотами, вдвое короче. Ранней зимой, какъ только болота подмерзнутъ, и выпадетъ первый снѣгъ, по этой дорогѣ спѣшно везутъ навагу, чтобы быть въ Москвѣ къ началу Филиппова поста. Этотъ переѣздъ черезъ тайболу (болотистый лѣсъ) съ тяжелою кладью возможенъ только на крѣпкихъ мезенскихъ лошадкахъ, гуляющихъ на волѣ съ весны до зимы. Лошади часто проступаются, бьются въ полузамерзшей грязи, мѣстами и возы осѣдаютъ... Путь надолго остается взрытымъ, пока наконецъ его выравняетъ все наростающій слой снѣга.

Изъ тайболы я выѣхалъ въ с. Лампожню, въ 15 верстахъ отъ Мезени. Это счастливое село владѣетъ обширными лугами по нижнему теченію р. Мезени, разводитъ лошадей и рогатый скотъ. Десятки лошадей бродятъ по селу, играютъ, катаются въ снѣгу.

На станціи хозяйка показывала мнѣ старинное, переходящее изъ рода въ родъ шелковое платье, очень широкое, съ таліей на груди. Здѣсь такое платье—непремѣнная часть приданаго. Бѣдныя невѣсты ѣздятъ по міру и просятъ на шелковое платье.

Возвращаясь изъ училища, я встрѣтилъ пожилого крестьянина, шедшаго съ вѣникомъ изъ бани. При морозѣ въ 25° онъ двигался тихо, накинувъ на себя армякъ, въ кожаныхъ опоркахъ на босу ногу, въ одномъ бѣльѣ, съ растегнутымъ воротомъ рубахи.

Но мнѣ мезенскіе холода показались трудно выносимыми. Во всѣ четыре дня, что я пробылъ въ Мезени, морозъ стоялъ 34—36° по Реомюру да еще съ вѣтромъ. На улицѣ я безпрерывно теръ шерстянымъ рукавицами то носъ, то щеки, то уши и все-таки поморозилъ щеку и ухо. Нельзя не удивляться, что въ такомъ суровомъ климатѣ горожане не умѣютъ строить теплыхъ домовъ. И въ училищахъ (такія-же, какъ и въ Пинегѣ), и на отводной квартирѣ нужно было сидѣть въ шубѣ, хотя печи топили по два раза въ день. Всѣ, съ кѣмъ я познакомился, жаловались на холодъ въ квартирахъ.

Вечеромъ улицы города пусты. Изрѣдка быстро пройдетъ человѣкъ, но по платью нельзя узнать, мужчина это или женщина: на всѣхъ одинаковыя длинныя, широкія малицы и оленьи шапки съ ушами. У кабака разъ вечеромъ я видѣлъ нѣсколько саней, запряженныхъ парами оленей, а подлѣ саней группы самоѣдовъ, которые оживленно бесѣдовали, повидимому, не обращая вниманія на морозъ.

По требованію полиціи деревянные тротуары очищаютъ отъ снѣга, складывая его тутъ-же по сторонамъ. Благодаря этому на набережной снѣгъ стоитъ по обѣ стороны тротуара стѣнами гораздо выше человѣческаго роста, и вѣтромъ сдуваетъ его въ лицо прохожимъ.

Возлѣ города—тундра, называемая яломъ. Интересно, что тутъ-же, рядомъ, я видѣлъ маленькое огороженное поле, на которомъ сѣютъ ячмень. Во сколько-то лѣтъ разъ онъ успѣетъ вызрѣть. Р. Мезень не глубока, но на днѣ ея лежитъ толстый слой жидкой грязи, въ которой

навѣки погребаются суда, потерпѣвшія здѣсь крушеніе (они приходятъ сюда на лѣсопильный заводъ за тесомъ). Крушенія бываютъ нерѣдко вслѣдствіе быстроты прилива и отлива, особенно-же во время встрѣчи этихъ стремительныхъ потоковъ.

Отводная квартира, чистенькая и уютная, была въ томъ году у мясной торговки. На стѣнѣ, въ числѣ другихъ картинокъ и фотографическихъ карточекъ, висѣлъ большой портретъ Дарвина.

Откуда у васъ этотъ портретъ?—спросилъ я хозяйку.

— У меня долго жилъ сосланный ксендзъ. По вечерамъ онъ меня училъ, разсказывалъ и о Дарвинѣ, а когда уѣзжалъ, оставилъ его портретъ. Можетъ быть, ссыльные-же ввели здѣсь кофе, который совсѣмъ вытѣснилъ чай. Даже нищіе просятъ не на хлѣбъ, а на кофе.

Изъ Мезени мой путь лежалъ къ сѣверо-западу въ с. Койду на зимнемъ берегу, въ ста верстахъ отъ города. На этомъ „волокѣ“ была только одна станція въ с. Долгощельскомъ. Здѣсь уже голая тундра, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Койда, большое село, была засыпана снѣгомъ. Улицы стали выше домовъ, къ которымъ вели снѣжныя лѣстницы. Послѣ метели крестьяне долго отрываютъ снѣгъ, чтобы выбраться изъ дома.

Койда живетъ зажиточно навагой и морскимъ звѣремъ, хотя, конечно, и здѣсь есть хозяева и рабочіе. Былъ періодъ свадебъ, но на улицахъ не двигались толпы, не раздавалось пѣсенъ: суровый расколъ сдерживалъ порывы веселья. Фанатики враждебно относились къ православному священнику. Злополучный батюшка, маленькій, тихій, пригнетенный, жилъ очень бѣдно. Вся его большая семья помѣщалась въ одной комнатѣ. Жалко было смотрѣть на его болѣзненную, изнуренную жену и на блѣдныхъ, и полуодѣтыхъ дѣтей.

— Вотъ что они со мной продѣлываютъ,—разсказывалъ онъ унылымъ голосомъ о своихъ прихожанахъ:—на Рождествѣ пошелъ я съ крестомъ къ одному богатѣю. Псаломщикъ мой гдѣ-то замѣшкался. Только я отворилъ калитку, вдругъ ко мнѣ на шею бросилась молодая женщина. Я не успѣлъ опомниться, какъ изъ дома вышли три крестьянина.

— А, вотъ онъ что дѣлаетъ! Хорошъ попъ!—Хохочутъ во все горло. Съ улицы народъ подходитъ... И сейчасъ доносъ архіерею.

Станцію держалъ богатый, многосемейный поморъ. Передавъ всѣ дѣла сыновьямъ, онъ жилъ въ праздности и отъ скуки выпивалъ.

Вечеромъ въ комнатѣ, сосѣдней съ моей, происходило чаепитіе всей семьи. Пригласили и меня. Разспрашивали, въ какомъ городѣ живу, гдѣ бывалъ и что видѣлъ, сколько жалованья получаю; разсказывалъ о своихъ дѣлахъ. Обращались со мной, какъ равный съ равнымъ, называли по имени и отчеству, и я также ихъ называлъ.

Собираясь послѣ чаю въ дорогу, я услышалъ стоны гдѣ-то вблизи, не вытерпѣлъ и пошелъ узнать. Черезъ комнату отъ моей въ маленькой каморкѣ, слабо освѣщенной лампадою, оказался мальчикъ лѣтъ 14, младшій сынъ хозяина. Блѣдный, исхудалый онъ сидѣлъ въ углу, поставивъ голыя ноги въ лоханъ съ водой, и тяжело стоналъ.

— Что съ тобой?

— Ноги болятъ, поморозилъ.

— Зачѣмъ же ты держишь ихъ въ водѣ?

— Такъ легче. Вотъ теперь вода согрѣлась, хуже стало.

— Какъ это случилось?

— Поѣхали мы съ братомъ на оленяхъ за дровами и заплутались. Онъ все бѣгалъ, дорогу искалъ, а я сидѣлъ и плакалъ. Послѣ мужики съ собаками насъ разыскали. Брату ничего, а я поморозился.

Мы выѣхали часовъ въ десять вечера. Было тихо. Ярко свѣтила луна. Но часа черезъ два поднялся вѣтеръ. Небо стало заволакивать. Вѣтеръ усиливался. Пошелъ снѣгъ. Ямщикъ ворчалъ, зачѣмъ я поѣхалъ ночью. Началась метель. Снѣгъ тучами сыпался съ неба, подымался съ земли, кружился и метался во всѣ стороны. Я сидѣлъ, какъ въ молокѣ: даже ямщика не было видно. А переѣздъ въ 60 верстъ! Становилось жутко. Между тѣмъ, лошади, запряженныя гусемъ, бѣжали легко, какъ по хорошей дорогѣ. Мерещилось, что мы ѣдемъ по льду моремъ, и вдругъ открытая вода... Наконецъ, я заснулъ. Просыпаюсь—пріѣхали въ Долгощелье. Ямщикъ мнѣ растолковалъ, что теперь (въ февралѣ) дорога стала выше окружающей равнины, и бурей выметаетъ ее начисто и только въ кустахъ засыпаетъ. Передній конь чувствуетъ дорогу ногой, и еще не случалось, чтобы онъ сбивался. Рѣдкій конь—и за триста рублей нельзя отдавать. Съ восхищеніемъ смотрѣлъ я на эту золотисторыжую красивую лошадь, безъ которой мы рисковали не выбраться изъ снѣжнаго ада.

Черезъ Мезень и Лампожню я направился вверхъ по р. Мезени. Здѣсь очень бѣдное населеніе. Ячмень часто не дозрѣваетъ, луговъ мало. Въ началѣ зимы многіе уходятъ на мѣсяцъ и больше въ лѣса за рябчикомъ, бѣлкой, куропаткой и проч. Живутъ тамъ въ избушкахъ, накопляя добычу. Ловятъ силками, петлями, капканами, ружьемъ пользуются только въ крайности. Случаевъ воровства почти не бываетъ. Ихъ охотничьи собаки очень похожи на самоѣдскихъ лаекъ: небольшого роста, съ длинной шерстью, замѣчательно умныя. Въ голодные годы населеніе бѣдствуетъ вдвойнѣ, такъ какъ безъ хлѣба не пойдешь на промыслы. Въ началѣ великаго поста многіе идутъ въ Мезень наниматься на тюленій промыселъ. Объ этомъ промыслѣ одинъ крестьянинъ разсказывалъ мнѣ такъ: съ великаго поста бьемъ звѣря у берега (зимняго), а послѣ идемъ на Медвѣжій островъ, лодки съ собой тянемъ, потому какъ за льдомъ (береговымъ) вода. Къ ночи лодку опружимъ, подлѣземъ подъ нее и спимъ. Ничего, не холодно. На островѣ въ иные годы много звѣря добудемъ. Ледъ плыветъ мимо этого острова, а на льду матери съ дѣтями у лунокъ (отверстія во льду) лежатъ. Матери черныя, а дѣти бѣленькія. Какъ, значитъ, вода станетъ (приливъ продолжается три часа, потомъ часъ вода стоитъ, затѣмъ снова вода прибываетъ три часа, опять часъ стоитъ, начинается отливъ съ такимъ-же перерывомъ) и ледъ станетъ у самаго берега. Мы на ледъ скочимъ. Матки иные въ воду поскакаютъ, а малые боятся. Шибко бѣгаемъ и бьемъ палками по головы. Кричатъ они, у другого слезы... А иной хватить тебя зубами старается. Проворному надо быть, а который неловкій- бѣда. Сейчасъ поснимаемъ шкуры съ саломъ и на берегъ тянемъ. Жарко станетъ, все съ себя поскидаемъ,—въ однѣхъ рубахахъ.

— Какъ-же вы знаете, когда надо со льда уходить?

— Такъ ужъ, знаемъ, привыкли.

А бываетъ, что запаздываютъ и уноситъ ихъ?

Бываетъ, которые попервоначалу. Носитъ ихъ по всему морю. Другой только къ осени домой попадетъ, а другой и не воротится.

Сколько же вы зарабатываете?

— Когда какъ: три, четыре десятки, а когда и полсотку.

Чѣмъ выше по р. Мезени, тѣмъ мнѣ, казалось, населеніе бѣднѣе и темнѣе. Какъ только я пріѣзжалъ на станцію, въ комнату являлась толпа крестьянъ посмотрѣть на чиновника. Они внимательно разглядывали мое платье, вещи, слѣдили за тѣмъ, какъ я пью, ѣмъ. Эти сухія, поджарыя фигуры съ суровыми лицами и взглядомъ исподлобья очень напоминали волковъ. Да и существованіе ихъ обезпечено не многимъ лучше волчьяго.

При проѣздѣ черезъ одну деревню я увидѣлъ крестьянина, несшаго на рукахъ большую, полную женщину. Ямщикъ разсказалъ, что этотъ бѣднякъ переноситъ свою больную жену къ сосѣду на то время, пока топится печь въ его курной избушкѣ.

Еще въ Пинегѣ я слышалъ, что многіе крестьяне съ р. Мезени каждую зиму всей семьей отправляются въ другіе уѣзды собирать милостыню. Дѣйствительно, почти въ каждой деревнѣ я видѣлъ избы съ заколоченными окнами. Въ уѣздахъ—Мезенскомъ, Печорскомъ, Кемскомъ и Кольскомъ населеніе постоянно нуждается въ покупномъ хлѣбѣ, а между тѣмъ онъ страшно дорогъ. Архангельскій продовольственный комитетъ имѣетъ запасы хлѣба, но только на голодные годы. Регулировать цѣны некому и торговцы могутъ спокойно брать какой угодно процентъ.

М. Ломбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о службѣ въ Архангельской губерніи.

(Окончаніе. См. № 16 „Извѣстій“ 1911 г.).

Съ Мезени на Печору есть двѣ дороги: одна зимняя, торговая, проложенная болотами, рѣками и озерами, другая постоянная, чрезъ болотистый лѣсъ въ 250 верстъ, устроенная недавно на казенныя средства. Обозы здѣсь не ходятъ, потому что въ нѣсколькихъ мѣстахъ на этой дорогѣ есть крутые подъемы; проѣдетъ только почта два раза въ недѣлю да изрѣдка какой нибудь чиновникъ. Можно себѣ представить, каково ѣхать по такой дорогѣ въ срединѣ зимы, когда снѣжный покровъ въ лѣсу достигаетъ 20 и болѣе вершковъ, при разстояніи между станціями въ 25—30 верстъ. Несчастныя лошади бредутъ шагомъ, часто проступаясь по колѣно, а то и по брюхо, а то иногда выбиваются изъ силъ и останавливаются. Ямщикъ ѣдетъ верхомъ на станцію за свѣжими лошадьми, а проѣзжій долженъ сидѣть въ глухомъ лѣсу и ждать нѣсколько часовъ. Лѣтомъ дорога представляетъ вязкое болото. Одно другого стоитъ!

Пріѣзжаю на одну станцію ночью и вхожу въ ямскую. Комната еле освѣщена маленькой коптящей лампочкой. На грязномъ полу спитъ ямщикъ. Къ его ногѣ привязана большая черная собака. Отъ лая собаки ямщикъ вскакиваетъ.

— Зачѣмъ ты привязалъ собаку?

— Вить, одинъ остался, боязно.

— Кого-же боишься?

— Чорта боюсь.

— Чорта? Развѣ ты его видѣлъ?

— То-то видѣлъ.

— Гдѣ? Какъ это было?

— Остался эдакъ-же одинъ. Сплю на полатяхъ. Среди ночи слышу, будто кто полъѣхалъ съ колокольцомъ, лошадей выпрягъ, дугу бросилъ. Слышно, дверь отворилъ, идетъ по избѣ скоро, скоро и прямо ко мнѣ на полати лѣзетъ. Гляжу—баба! Я догадался, да какъ хлесну ей по мордѣ. Захохотала и побѣгла вонъ. Соскочилъ я съ полатей—дверь отворена, ни лошадей, никого нѣту.

На другой станціи, гдѣ не оказалось ни одного ямщика, я сейчасъ по пріѣздѣ переодѣлся въ городское пальто, и отправился въ лѣсъ. Идти по застывшему, взбудораженному снѣгу было трудно, и я скоро вернулся. Еще издали вижу, что ямщикъ, привезшій меня, для чего-то запрягаетъ лошадь. Вдругъ онъ оборачивается въ мою сторону, снимаетъ шапку и начинаетъ быстро креститься. Подхожу ближе, онъ узнаетъ меня и съ досадой кидаетъ шапку на снѣгъ.

— Что бъ тебѣ не легко было, какъ ты меня спужалъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ-же—иду въ избу, смотрю—тебя нѣтъ, а малица и шапка тутъ. Туда—сюда, нѣтъ нигдѣ. Думаю: а чиновникъ то не въ умѣ, безъ одежи въ лѣсъ ушелъ. Надо его настигать. Запрегъ коня, гляжу: другой какой-то съ лѣса идетъ. Откуда взялся? Такъ мнѣ страшно стало, ажно затресся весь.

И въ самомъ дѣлѣ, страшенъ этотъ безконечный лѣсъ, страшенъ, когда безмолвенъ, какъ могила, и когда говоритъ таинственными ночными голосами, и когда шумитъ и воетъ и стонетъ, подобно разъяренному морю.

Ближе къ Устьцильмѣ на станціяхъ ямщики не угрюмые, молчаливые мезенцы, а жизнерадостные, любящіе пошутить и посмѣяться печорцы. У нѣкоторыхъ здѣсь и жены, небольшого роста, бойкія и проворныя. Вотъ и предпослѣдняя станція. Лѣсъ кончился. Дорога пошла рѣкой Цильмой, ровная, укатанная. Лихой ямщикъ всѣ 25 верстъ пронесся вскачь. Послѣдняя станція въ деревнѣ. По случаю масленицы шла гульба. Насъ обступила подвыпившая толпа. Замѣчанія на счетъ моей повозки, внѣшности, вещей, похвальныя и не лестныя, высказывались вслухъ безъ всякаго стѣсненія. Насилу я пробрался сквозь толпу на станцію, но и здѣсь хозяинъ и гости были такъ-же шумливы, закидали меня вопросами, предлагали купить рыбу, дичь, совѣтовали угостить ихъ водкой.. Скоро, однако подали лошадей, и я, провожаемый шутками и добродушными насмѣшками, помчался въ Устьцильму.

Это село—административный центръ Печорскаго края, хотѣли сдѣлать городомъ, но крестьяне нашли невыгоднымъ переходить въ мѣщанство. И такъ Устьцильма стала единственнымъ въ Россіи селомъ, гдѣ имѣется полицейское управленіе, казначейство (тюрьмы нѣтъ), и живутъ всѣ уѣздныя власти. Село растянулось на три версты по правому берегу Печоры.

Единственная улица со множествомъ переулковъ обставлена почернѣвшими двухъэтажными избами. Отводная квартира во второмъ этажѣ состояла изъ двухъ комнатъ. Такъ какъ полъ былъ одиночный, то тяжелый воздухъ нижняго этажа, гдѣ жили хозяева, подымался во второй этажъ. Было слышно все, что говорилось внизу. Потомъ оказалось, что такъ-же устроены дома и повсюду въ Печорскомъ краѣ. Въ холода хозяева живутъ въ верхнемъ, а въ теплую погоду—въ нижнемъ этажѣ.

На отводной квартирѣ я засталъ миссіонера. Онъ былъ нездоровъ и не выходилъ изъ дома. Прислуживавшая намъ дѣвушка-старовѣрка, въ красномъ сарафанѣ съ красной повязкой вокругъ головы и такой-же лентой въ косѣ, называла миссіонера просто Иваномъ. „Иванъ, будешь чай пить? Сварить тебѣ рыбы?“

Былъ послѣдній день для занятій въ школѣ передъ отпускомъ на масленицу. Я пришелъ въ училище часовъ въ одиннадцать и, къ удивленію, засталъ учителя, совсѣмъ еще молодого, спящимъ. Человѣкъ двадцать мальчиковъ (дѣвочекъ въ школѣ не было) работали сами: кто читалъ, кто писалъ, иные разговаривали. Знанія дѣтей оказались совсѣмъ слабыми. Когда я спросилъ учителя, почему онъ такъ мало работалъ, тотъ не хотя отвѣтилъ: „Здѣсь такая глушь, скука, что впадаешь въ апатію и не хочется ничего дѣлать“.

Когда я вернулся домой, у миссіонера было собесѣдованіе со старовѣрами. Шелъ безконечный споръ о томъ, родился или не родился антихристъ. Начетчикъ утверждалъ, что антихристъ уже пришелъ и жи-

ветъ въ Константинополѣ. Миссіонеръ доказывалъ, что время антихриста еще не наступило. Прощаясь, начетчикъ сказалъ: „мы будемъ ходить въ вашу церковь, только дайте намъ священника, который не былъ-бы подъ властью архіерея". Миссіонеръ отвѣтилъ, что это невозможно.

Наступилъ послѣдній день масленицы. Около полудня улица наполнилась катающимися. Ихъ была такая масса, какъ на Невскомъ въ 4—5 часовъ дня. Возлѣ домовъ сидѣли въ малицахъ прямо на снѣгу группы женщинъ. Гамъ стоялъ невообразимый. Трезвыхъ мущинъ, казалось, вовсе не было. Всѣ старанія полиціи установить хоть какой нибудь порядокъ ѣзды ни къ чему не приводили. Послѣ этого катанья, говорятъ, всегда бываютъ раненые и люди, и лошади. Было далеко за полночь, когда село мало по малу успокоилось.

Священникъ, у котораго я провелъ вечеръ, разсказывалъ, что край этотъ богатый: дорогіе сорта рыбъ въ Печорѣ, заливные луга, позволяющіе широко развить скотоводство, возможность разводить стада оленей, обиліе дичи. Казалось-бы, экономическое положеніе крестьянъ должно быть завиднымъ. Этого, однако-же нѣтъ, потому что чердынскіе торговцы, единственные здѣсь поставщики хлѣба, мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ, безбожно обираютъ населеніе. Весной и осенью они разъѣзжаютъ на судахъ по всѣмъ селеніямъ, расположеннымъ по Печорѣ и ея притокамъ. Такъ какъ крестьяне, по-старинѣ, честно платятъ долги, то купцы оказываютъ имъ широкій кредитъ, соблазняющій купить лишнее. Пользуясь невѣжествомъ покупателей, они безъ зазрѣнія совѣсти обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ, присчитываютъ и обсчитываютъ, главное же, стараются сдѣлать такъ, чтобы покупатель никогда не выходилъ изъ долга.

Ради одной маленькой школы пришлось спуститься внизъ по Печорѣ верстъ на двѣсти до с. Великой Виски, недалеко отъ Пустозерска. Дорога шла сначала островами Печоры (на нихъ съ весны до зимы пасутся лошади и рогатый скотъ), дальше то рѣкой, то островами. Высокіе берега сплошь покрыты еловымъ лѣсомъ, который къ сѣверу постепенно переходитъ въ кустарникъ. На островахъ среди ивняка попадалось множество висящихъ въ петляхъ бѣлыхъ куропатокъ. Однажды я видѣлъ, какъ огромное стадо этихъ птицъ переходило рѣку съ лѣваго берега на правый. Въ другой разъ яснымъ вечеромъ я замѣтилъ иву, такъ густо облѣпленную сверху до низу куропатками (они ѣли почки), что не видно было вѣтвей. На одной станціи мнѣ продали за рубль 20 паръ куропатокъ, только безъ крыльевъ, которыя тогда скупались отдѣльно для женскихъ шляпъ. Потомъ вышло запрещеніе ловить птицъ силками и петлями. Полиція была обязана свидѣтельствовать возы съ птицей, отправляемые въ Москву, и не пропускать давленой птицы, но... на дѣлѣ, конечно, все осталось по прежнему, увеличились только доходы блюстителей порядка.

Изрѣдка встрѣчались деревушки и одинокія избы. Въ деревняхъ на берегу рѣки горами лежалъ ненужный здѣсь навозъ.

Хозяева станцій держали себя съ большимъ достоинствомъ и относились ко мнѣ, какъ къ равному. Хозяйки не позволяли курить,—„погапить избу и святыя иконы". Когда я однажды по разсѣянности закурилъ, баба моментально вырвала у меня изо рта папироску и бросила въ топившуюся печь. Вечерами женщины занимались обдираньемъ перьевъ.

На одной станціи ко мнѣ пришелъ молодой парень со шкурой большой россомахи, предлагая купить за пять рублей. Онъ разсказывалъ, что гнался за звѣремъ на лыжахъ двадцать верстъ, пока утомилъ его, и тогда убилъ палкой. На бѣгу онъ постепенно сбрасывалъ съ себя платье, пока остался только въ рубашкѣ, а на обратномъ пути, подбирая брошенное, снова одѣвался. Россомаху здѣсь сильно ненавидятъ за ея обычай обходить силки и всякія ловушки, собирать птицъ и прятать въ свою кладовую, которую очень трудно розыскать. Во время нашей бесѣды въ комнату неожиданно ввалился пьяный волостной писарь и прямо подошелъ ко мнѣ.

— Кто ты такой? Зачѣмъ ѣдешь? Подавай паспортъ Ребята, взять его, онъ безпаспортный.

Крестьяне переглянулись между собой и не знали, что дѣлать.

Я спокойно сказалъ: „выведите его". Мой увѣренный тонъ подѣйствовалъ: писаря вѣжливо увели.

И вездѣ въ Россіи, особенно-же въ глухихъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи старшина и писарь—очень важныя особы: они могутъ казнить и миловать. Поэтому и доходы у нихъ немалые: одинъ волостной писарь, женившійся на учительницѣ и вскорѣ затѣмъ умершій, оставилъ ей двадцать тысячъ.

При сборѣ податей и разныхъ денежныхъ повинностей, за которыми старшинѣ и писарю нужно ѣздить къ плательщикамъ, эти власти, говорятъ набираютъ кое-что и на свою долю, такъ какъ крестьянинъ не получаетъ никакого документа, въ которомъ было-бы обозначено, сколько онъ долженъ заплатить въ казну, сколько на волостныя потребности, какой на немъ продовольственный долгъ и проч., а просто ему объявляютъ на словахъ, что съ него причитается столько-то. Никакой расписки или квитанціи въ полученіи денегъ ему не даютъ. Отчего-же при такихъ условіяхъ и не взять лишняго?

Хозяинъ станціи разсказалъ про выведеннаго писаря, что онъ, служа въ Мезенскомъ уѣздѣ, лѣтомъ вздумалъ проѣхать въ одну деревню черезъ болото-зыбунъ (озеро, затянутое болѣе или менѣе толстымъ слоемъ почвы). Такое болото узнается по ярко-зеленому цвѣту растительности. Перебраться черезъ такое болото на оленяхъ въ легкихъ саночкахъ возможно, только нужно ѣхать быстро, и главное безъ остановки: какъ только остановишься, сейчасъ-же затянетъ. Писарь выѣхалъ пьяный и взялъ съ собой двѣ бутылки водки, но на болотѣ отъ страха сразу вытрезвился, выпилъ обѣ бутылки и все-таки пріѣхалъ въ деревню совсѣмъ трезвый.

Великая-Виска—довольно большое село въ дельтѣ Печоры. Войдя въ станціонную комнату, я въ изумленіи остановился: на перинѣ разостланной посреди комнаты, лежалъ человѣкъ въ одномъ бѣльѣ, хотя былъ уже полдень. Возлѣ постели стояла бутылка водки и тарелка съ морошкой. Вслѣдъ за мной вошла пожилая женщина съ дѣвушкой и что то шепнула лежавшему. Онъ не хотя поднялся и шатаясь перешелъ въ сосѣднюю комнату, куда женщины унесли также перину и водку. Ямщикъ объяснилъ, что это хозяинъ станціи, поправляющійся съ маслепичнаго кутежа.

Послѣ осмотра школы, въ которой обучалось только 20 мальчиковъ, часу въ четвертомъ дня я зашелъ къ священнику по его приглашенію. Сейчасъ-же вышла матушка съ подносомъ, на которомъ стоялъ большой

графинъ водки и тарелки съ конфектами и пряниками. Замѣтивъ мое удивленіе, она, улыбаясь, сказала.

— Я знаю, что вы голодны, но такой ужъ здѣсь обычай: когда-бы гость ни пришелъ, прежде всего подается это угощеніе, но конфектъ и пряниковъ брать не принято. Такъ они и стоятъ у меня на тарелкахъ для гостей".

— Скажите, батюшка, бывали вы въ Пустозерскѣ? Осталось тамъ что нибудь историческое?

— Ничего не осталось. Теперь онъ—такое-же село, какъ и Виска, только меньше. Вамъ не стоитъ туда ѣхать.

Когда послѣ обѣда у священника я вернулся на станцію, хозяинъ бушевалъ внизу. При помощи учителя я розыскалъ очередного ямщика и поспѣшилъ уѣхать.

На слѣдующей станціи единственный ямщикъ, молодой парень, спалъ пьяный: онъ праздновалъ свое возвращеніе съ военной службы. Подождавъ часа два, я велѣлъ разбудить его.

— Выспался?

— Выспался.

— Ну такъ ѣдемъ.

Ночь была тихая, морозная. Я задремалъ. Просыпаюсь,—лошади стоятъ, ямщика нѣтъ. Въ сильной тревогѣ я выскочилъ изъ повозки, покричалъ—никто не отозвался. Уйти отъ лошадей было опасно, ѣхать—не знаю куда: съ рѣки есть дороги въ лѣсъ, заѣдешь туда—пропалъ. Ночь была великолѣпная. Яркая луна стояла на срединѣ неба. Рѣка казалась серебряной лентой съ черными каймами (лѣсовъ). Было свѣтло, почти какъ днемъ. Полная тишина не нарушалась даже позвякиваньемъ колокольчика: вѣроятно, лошади задремали. Я долго ходилъ взадъ и впередъ по гладкой дорогѣ,озябъ, сѣлъ въ повозку согрѣться и внезапно уснулъ. Просыпаюсь—бѣлый день, ямщикъ на козлахъ и мы ѣдемъ. Конечно, я обрадовался.

— Гдѣ ты былъ?

— Нигдѣ не былъ. Кнутовище обронилъ. такъ бѣгалъ искать.

— Какъ-же такъ? Мы выѣхали въ семь часовъ вечера, а теперь восемь утра. Такъ и не сознался парень, что свалился съ козелъ и проспалъ ночь на дорогѣ.

Черезъ Устьцильму я направился въ зырянскій край. Село Красноборское было на пути первымъ, гдѣ имѣлась школа. Мальчиковъ училось такъ много, что для дѣвочекъ не оставалось мѣста. Учитель-зырянинъ по симпатіи къ родному языку и для облегченія себя мало говорилъ съ дѣтьми по-русски, поэтому дѣти засиживались въ школѣ по пяти-шести лѣтъ и все-таки кончали курсъ съ плохимъ знаніемъ русскаго языка.

Изъ Красноборска я переѣхалъ въ зырянскую столицу—Ижму, противъ которой, на лѣвомъ берегу р. Ижмы, находится тоже огромное село Мохча. Въ Ижмѣ было двухклассное училище съ русскими учителями, а также одноклассная женская школа; въ Мохчѣ же одноклассное министерское училище, учитель зырянинъ.

Въ виду полнаго отсутствія ремесленниковъ въ этомъ краѣ, при Ижемскомъ училищѣ были учреждены портняжный и сапожный ремесленные классы. Ученики работали на мастеровъ (получавшихъ кромѣ

того жалованье), которымъ поэтому было выгодно какъ можно скорѣе и лучше подготовлять себѣ помощниковъ.

Я прожилъ въ Ижмѣ около недѣли. За это время мое платье и вещи пропитались тошнотворнымъ оленьимъ запахомъ, отъ котораго здѣсь нѣтъ спасенія даже на улицѣ. И ѣсть приходилось исключительно оленину, которою ежедневно угощала дававшая мнѣ столъ просвирня. Мнѣ живо вспоминается ея крошечная, чистенькая комнатка съ русской печью и перегородкой, за которой вѣчно охала старая тетка. Хозяйка была приторно любезна, мясо-приторно сладко, въ комнаткѣ жарко и душно.

Зыряне, должно быть, народъ способный и энергичный, въ родѣ евреевъ. Недаромъ они захватили все оленеводство, вытѣснивъ изъ тундры самоѣдовъ. Власти, какъ я слышалъ, дѣлали попытки защитить самоѣдовъ, но ничего не достигли.

Ижемцевъ считаютъ ханжами и лицемѣрами. Мой хозяинъ, когда бывалъ пьянъ, лежалъ на кровати и дикимъ голосомъ распѣвалъ псалмы, каноны и стихиры. Какъ истые фарисеи., ижемцы строго блюдутъ религіозные обряды, очень любятъ ходить въ церковь и твердо знаютъ порядокъ всѣхъ службъ, но вѣра у нихъ сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Храмъ въ Ижмѣ обширный и благолѣпный. Прихожане не скупятся на его поддержку и украшеніе. Передъ большими праздниками дѣвушки добровольно приходятъ мыть въ церкви полъ, обтирать пыль, украшать иконы. Въ праздники церковь биткомъ набита. Несмотря на жару и духоту всѣ стоятъ въ малицахъ. На клиросахъ поютъ два большихъ хора любителей. Признаться, такого пѣнія я не слыхалъ никогда въ жизни. Если-бы можно было составить хоръ изъ медвѣдей, быковъ,ословъ, верблюдовъ и волковъ, то онъ, кажется, спѣлъ-бы мелодичнѣе и не такъ оглушительно. Архіерей, бывшій здѣсь послѣ меня, тронутый набожностью ижемцевъ и восторженнымъ пріемомъ, какой они ему сдѣлали, вѣроятно, также былъ пораженъ ихъ пѣніемъ, такъ какъ вскорѣ прислалъ имъ хорошаго регента. И что-же? Разсказываютъ, что года черезъ два ижемскій хоръ пѣлъ не хуже архіерейскаго.

По трудолюбивые для церкви ижемцы всѣ домашнія и даже полевыя работы сваливаютъ на женщинъ, а сами по цѣлымъ днямъ бродятъ изъ дома въ домъ и проводятъ время въ безконечныхъ разговорахъ. Женщина у нихъ забитое робкое существо *). Когда я пришелъ въ женскую школу, часть дѣвочекъ отъ страха спряталась подъ столы. На отводной квартирѣ жена и дочери хозяина боялись мнѣ прислуживать, и хозяинъ долженъ былъ нанять для этого чужого человѣка. Ничего подобнаго я нигдѣ не видѣлъ.

Старики и старухи любятъ ежедневно париться въ банѣ. Иные ходятъ въ баню по два раза въ день и, случается, умираютъ на банномъ полкѣ.

Многіе ижемцы живутъ въ тундрѣ съ оленьими стадами. Иногда берутъ туда и семью. Школьники, выросшіе въ тундрѣ, рѣзко выдѣляются среди товарищей свѣжестью лица и необыкновенно яркимъ румянцемъ.

Оленеводы пріѣзжаютъ домой погостить на самыхъ лучшихъ оленяхъ. Въ праздникъ я видѣлъ здѣсь катанье на тройкѣ оленей. Коренной, гораздо больше и выше другихъ, бѣжалъ крупной рысью, закинувъ

*) На счетъ скромности и нравственности печорскихъ дѣвицъ есть очень не достовѣрные отзывы.

на спину огромные рога, а пристяжные скакали, опустивъ головы и согнувъ шеи на бокъ. Рогатая русская тройка съ ямщикомъ, одеждой похожимъ на монаха.

Сибирская язва уничтожила не одну сотню тысячъ оленей. Ижемецъ-оленеводъ разсказывалъ мнѣ, что придя на зараженное мѣсто, олени палаютъ массами, какъ трава подъ косой. Мѣсто падежа обеззараживается не ранѣе 25—30 лѣтъ. Этой ужасной болѣзни пока еще нѣтъ только въ тундрахъ Канинской и Лапландской. Первая прививка язвы купленному на казенный счетъ оленьему стаду не удалась: все стадо погибло. Пріобрѣли второе стадо, но уцѣлѣло-ли оно послѣ прививки, не знаю.

Изъ Ижмы я ѣздилъ за сто верстъ въ зырянскую деревушку Усть-Кожву, расположенную при впаденіи Кожвы въ Печору. Здѣсь недавно было открыто на казенный счетъ министерское училище, для котораго построенъ домъ. Въ огромномъ, страшно холодномъ классѣ обучалось только четыре мальчика и двѣ дѣвочки. Видимо, школа еще не привилась среди полудикихъ обитателей этой глухой мѣстности.

Выйдя изъ училища, построеннаго на высокомъ берегу Печоры, я, невольно залюбовался открывшейся передо мной картиной. Былъ чудный, солнечный, но очень морозный день. На правой сторонѣ рѣки виднѣлась громадная снѣжная равнина, а въ концѣ ея—подернутыя легкой дымкой вершины Урала, похожія на сахарныя головы, мѣстами вымазанныя сажей. Казалось, что онѣ верстахъ въ пяти, на самомъ-же дѣлѣ до горъ считается около шестидесяти верстъ тундры.

Вернувшись въ Ижму, я пошелъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, у котораго былъ уже два раза, но не засталъ дома. Въ прихожей толпилось человѣкъ десять крестьянъ, Чиновникъ съ писцомъ сидѣли за большимъ столомъ, заваленнымъ дѣлами.

— Эти черти въ малицахъ, что стоятъ въ передней, совсѣмъ меня извели.—сказалъ чиновникъ шепотомъ, съ выраженіемъ отчаянія:—подымаютъ старыя-престарыя дѣла, о которыхъ я не имѣю понятія. Извольте пересматривать весь архивъ. И прогнать ихъ нельзя! законы знаютъ не хуже адвокатовъ, сейчасъ жалобу губернатору настрочатъ.

Зыряне, обитающіе выше по Ижмѣ, по Ухтѣ и на Печорѣ, и занимающіеся только земледѣліемъ и охотой, какъ я слышалъ, живутъ очень бѣдно. Голодъ здѣсь не рѣдкій гость, благодаря раннимъ морозамъ.

Доставка хлѣба очень трудна по отдаленности края и отсутствію дорогъ. На глухихъ окраинахъ губерніи особенно наглядно видна необходимость земства.

Обратно до р. Мезени я доѣхалъ тою-же дорогой, а съ Мезени на р. Пинегу перебрался другою, такъ называемою верхней тайболой (нижнею тайболой называется зимній путь изъ г. Мезени въ г. Пинегу). Изъ поѣздки по р. Пинегѣ разскажу о посѣщеніи с. Суры, родины о. Іоанна Кронштадтскаго.

Сурой называется цѣлая группа деревень, родина-же о. Іоанна—погостъ Сура. Здѣсь онъ построилъ церковь и большое зданіе ц.-приходской школы съ общежитіями для мальчиковъ и дѣвочекъ. Во время этихъ постройкъ изъ Кронштадта часто присылались въ Суру почтой большія деньги. Изъ с. Верколы, гдѣ было почтовое отдѣленіе, деньги относилъ въ Суру, за 30 верстъ, всегда одинъ и тотъ-же мужичекъ, ничѣмъ не охраняемый и безоружный. Хотя объ этомъ всѣ знали, даже

извѣстно было всякій разъ, какую сумму носитъ этотъ почтальонъ, но не было ни одного случая ограбленія его, даже ни одной попытки завладѣть деньгами.

Сурскій храмъ и по величинѣ, и по благолѣпію—единственный въ губерніи. Мозаичныя иконы, чудно расшитые воздухи, богатыя облаченія и покровы, многолюдный причтъ и... полное отсутствіе прихожанъ, такъ какъ населеніе держится старой вѣры. Это сильно удручало о. Іоанна. Въ его проповѣдяхъ здѣсь содержались горькія укоризны крестьянамъ за нехожденіе въ церковь. Зато просившихъ денежной помощи было такое множество, они такъ надоѣдали о. Іоанну, что онъ часто уѣзжалъ отъ просителей въ лѣсъ. Кромѣ церкви и школы о. Іоаннъ устроилъ для сурянъ общественную лавку, пожертвовавъ на это десять тысячъ. Его же иниціативѣ и содѣйствію приписываютъ возникновеніе близъ Сурскаго погоста женской обители, которая получила отъ казны большой участокъ земли съ лѣсомъ.

Крестьяне были недовольны церковнымъ характеромъ открытой о. Іоанномъ школы, но такъ какъ въ ней кормили и, кажется, даже одѣвали дѣтей, то расчетъ взялъ верхъ, и школа наполнилась учащимися, нѣкоторые ученики перешли сюда и изъ Сурской министерской школы. Однако, въ этой послѣдней всетаки было до 50 учащихся, и крестьяне говорили, что въ ней учатъ лучше, чѣмъ въ ц.-приходской. Между школами скоро возникъ антагонизмъ: дѣятели церковной школы старались уронить въ глазахъ крестьянъ министерскую; учитель этой послѣдней не оставался въ долгу—обычное явленіе тамъ, гдѣ въ одномъ пунктѣ открыты школы свѣтская и церковная.

Противъ министерской школы жили одинокіе—племянникъ и племянница о. Іоанна, рядовые крестьяне. Племянникъ очень похожъ на дядю и лицомъ, и характеромъ: та-же всегдашняя бодрость духа, ясное кроткое настроеніе—качества, которыми его знаменитый дядя такъ сильно вліялъ на больныхъ и несчастныхъ. Разсказывали, что о. Іоаннъ давалъ племяннику и племянницѣ по сту рублей въ мѣсяцъ и этимъ сдѣлалъ ихъ несчастными, потому что крестьянскій трудъ сдѣлался для нихъ безцѣльнымъ, и жизнь потеряла всякій смыслъ.

Каждый изъ чиновъ причта всѣми силами старался отличиться передъ о. Іоанномъ, отчего между ними развилось соперничество. Молодой очень способный священникъ, поставленный во главѣ причта и и школы, совершалъ длиннѣйшія службы, на подобіе монастырскихъ, постился, какъ схимникъ, усердно работалъ въ школѣ по должности законоучителя, задумалъ образовать изъ учащихся хоръ, который артистически пѣлъ-бы въ церкви, образцово велъ школьное хозяйство, сложную отчетность и... черезъ два года умеръ отъ переутомленія.

Положеніе школьнаго дѣла въ губерніи съ тѣхъ поръ во многихъ отношеніяхъ улучшилось, но я засталъ всего сто школъ на весь обширный край. Школы содержались на соединенныя средства казны и населенія (крестьяне давали квартиры съ отопленіемъ и прислугою), отчислялась также небольшая сумма изъ земскихъ сборовъ, каждое трехлѣтіе съ разрѣшенія Государственнаго Совѣта, такъ какъ народное образованіе по закону—необязательная земская повинность. Школы раздѣлялись на министерскія, содержимыя исключительно казной, и земскія, на которыя отпускались деньги изъ казны и изъ земскихъ сборовъ. Учительское жалованье въ министерскихъ школахъ составляло 350—400 р.,

въ земскихъ или сельскихъ—200 р. Деньги переводились на волостныя правленія, которыя и выдавали учащимъ жалованье. Если старшины и писаря замѣчали недостаточно почтительное къ себѣ отношеніе со стороны учащихъ, то наказывали ихъ задержкой жалованья, чтобы они впередъ не зазнавались. Нищенская жизнь на 200 р. (министерскихъ школъ было немного) становилась для учащихъ еще печальнѣе отъ угнетеннаго нравственнаго состоянія. Заброшенные за многіе сотни верстъ отъ родины, сидя тамъ, вдали другъ отъ друга, безъ книгъ, безъ газетъ, учащіе, въ особенности молодые, которые составляли подавляющее большинство, тяжко страдали отъ одиночества, особенно среди инородцевъ и старовѣровъ. Былъ случай смерти отъ тоски, самоубійство, которое можно было предупредить, если бы поблизости нашелся хоть одинъ интеллигентный человѣкъ.

Бѣдна и сурова природа Сѣвера, но жизнь народныхъ учителей и учительницъ здѣсь еще суровѣе, еще бѣднѣе.

М. Ломбергъ.